

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 20, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические науки

- Красняков Н. И.* Правовая природа закрепления национально-автономистского статуса Царства Польского в составе Российской империи 5
- Абдулин Р. С.* Мечтать не вредно – вредно не мечтать: о будущем искусственного интеллекта в правосудии России 15
- Кошкин А. С.* Возникновение пенитенциарной системы в Гренландии (конец 1950-х – 1960-е гг.) 22
- Хрущев Р. С.* Формирование правового статуса государственных служащих самоуправления Гренландии в 1953–2003 гг. 30

Уголовно-правовые науки

- Боровских Р. Н., Сабанин С. Н.* Актуальные вопросы теории и практики квалификации кражи 41
- Смушкин А. Б.* Даркнет в системе обеспечения безопасности киберпространства 50
- Чумаков А. В.* Понятие «хищение бюджетных средств»: криминологический, уголовно-правовой и криминалистический аспекты 60
- Информация для авторов 65

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2024. Volume 20, № 4

CONTENTS

Theoretical-historical sciences

- Krasnyakov N. I.* The legal nature of the registration of the national-autonomist status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire 5
- Abdulin R. S.* It's not harmful to dream – it's harmful not to dream: about the future of artificial intelligence in Russian justice 15
- Koshkin A. S.* The emergence of the penitentiary system in Greenland (late 1950s – 1960s) 22
- Khrushchev R. S.* Formation of the legal status of public servants of the Greenland Self-Government Greenland Self-Government civil servants in 1953–2003 30

Criminal Law Sciences

- Borovskich R. N. Sabanin S. N.* Current theoretical and practical issues of theft qualification 41
- Smushkin A. B.* Darknet in the cyberspace security system 50
- Chumakov A. V.* The concept of «embezzlement of budget funds»: criminological, criminal-legal and forensic aspects 60
- Instructions for Contributors 65

Editor in Chief V. N. Lisitsa   Associate Editor N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

E. B. Abdrasulov, R. S. Abdulin, A. I. Abdullin, O. I. Andreeva, A. M. Baksalova, N. I. Biyushkina,
V. A. Boldyrev, R. N. Borovskikh, A. V. Gabov, I. G. Dudko, E. A. Zhegalov, B. V. Zmerzly,
V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, A. A. Kondrashov, E. V. Korotysh, I. A. Kravets,
V. I. Kruss, I. D. Kuzmina, V. A. Laptev, Dzh. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina, V. N. Rudenko,
D. A. Savchenko, I. A. Umnova-Konyukhova

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 34.096

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

Правовая природа закрепления национально-автономистского статуса Царства Польского в составе Российской империи

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.krasnyakov@nsu.ru

Аннотация

Определяются некоторые исходные положения в исследовании юридических начал вхождения отдельно взятого региона в состав Российской империи – Царства Польского, при этом устанавливается взаимосвязь таких категорий, как империя, многоукладность, автономизм и государственное единство. Акцентируется внимание на сложности, комплексности и междисциплинарности социальной категории «империя». На основе законодательства, архивных материалов и научных трудов последовательно рассматриваются условия, идеи и средства включения территории в единое политико-правовое пространство имперского государства. Автор приходит к убеждению, что начало интеграции Царства Польского в состав Российской империи характеризуется юридическим составом инкорпорации, а не реальной унии.

Ключевые слова

Российская империя, этнополитика, регион, многоукладность, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Правовая природа оформления национально-автономистского статуса Царства Польского в составе Российской империи // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 5–14. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

The Legal Nature of the Registration of the National-Autonomist Status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University,

Novosibirsk, Russian Federation

n.krasnyakov@nsu.ru

Abstract

Some initial provisions are determined in the study of the legal principles of the entry of a particular region into the Russian Empire – the Kingdom of Poland, while establishing the relationship of such categories as empire, multiculturalism and state unity. Attention is focused on the complexity, complexity and interdisciplinarity of the social category „empire“. On the basis of legislation, archival materials and scientific works, the conditions, ideas and means of including the territory into a single political and legal space of the imperial state are consistently considered. The author comes to the conclusion that the beginning of the integration of the Kingdom of Poland into Russia is characterized by the legal composition of incorporation, and not by a real union.

Keywords

Russian Empire, Ethnopolitics, region, multiculturalism, unification, hierarchical structure

© Красняков Н. И., 2024

For citation

Krasnyakov N. I. The legal nature of the registration of the national-autonomist status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

Как известно, в истории функционировали многие, рассматриваемые преимущественно в границах националистического дискурса, империи [1, с. 25]. Однако приходится констатировать, что по-прежнему имперская проблематика остается нераскрытой в историко-правовой науке, и по ней отсутствуют «сколько-нибудь заметные сравнительно-исторические работы» [2, с. 124], а опыт осуществленных исследований показал необходимость дальнейшего поиска ее дефиниций [3, с. 11]. При этом уточним, что нации и этносы в действительности не занимали господствующего места в конструировании имперского пространства во времени до начала XIX в. и не выступали основной формой организации социальных общностей той эпохи в реализации ими своих интересов. Традиционно востребованными и действенными оставались общественные институты господства сословной организации и бюрократии в силу своей развитости, покрывая своей фундаментальностью в социуме и являясь более общим видом стратификации населения.

Приложение какой-либо модели организации власти, населения и территорий как матрицы к имперским политико-правовым пространствам не удавалось ни древним мыслителям, ни нашим современникам-ученым, однако в ходе типизации научного аппарата по отраслям знания путем разделения смысловых субстанций постепенно пришло осознание комплексности и междисциплинарности социальной категории «империя». Как мы уже уяснили, данное понятие имеет сложное определение, что обусловлено прошлой и настоящей многозначностью и широтой его практического использования в различных науках о человеке и обществе: истории, философии, социологии, политологии, историко-теоретических юридических исследованиях; да и, кроме того, оно несет на себе оттенки нарастающей борьбы идеологий во взаимодействующем и быстроменяющемся глобальном мире.

Расширение мировоззренческих горизонтов в историко-юридической науке на рубеже XX–XXI вв. функциональным образом отразилось и на исследовании прежде во многом идеологизированной имперской парадигмы в позитивации общественных институтов, в частности, относительно интеграции наций-этносов завоеванных территорий, инкорпорации местных правовых систем в единое имперское право и преодоления обычно-правового партикуляризма, встраивания административного строя периферии в унифицированную систему правительственных учреждений, взаимообусловленности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения – власти окраин и центра [4].

Об имперской схеме управления национально-этническим сообществом стоит рассуждать тогда и только тогда, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических систем, образов жизни, традиций права, религиозных конфессий и т. д. То есть империя – это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разноуровневых традиций и жизненных укладов, на которые, без их разрушения, не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Сам механизм имперской интеграции может быть очень разным – от постепенной унификации, хотя бы в основных установлениях (как в римской и французской имперских практиках) до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций (как в эллинистическом и британском вариантах). Подчеркнем при этом взаимообусловленность эволюции населения в связке с государственной властью и сошлемся на мысль другого классика истории права: «материальное и нравственное развитие государства может только тогда идти прогрессивно, когда правительство, уважая различные нравы, религии, обычаи и языки, веками созданные различными племенами, соеди-

ненными под одним скипетром, твердой рукой заставляет исполнять общие государственные законы» [5, с. 9].

Рассматривая интеграционный процесс применительно к польским территориям в составе Российской империи, необходимо в качестве его факторов воспринимать, что последний период почти самостоятельного политического бытия польского государства, т. е. накануне его раздела Россией, Пруссией и Австрией на Венском конгрессе 1815 г., представляется как кризис феодальной республики. Такое суждение формируется в итоге самого события – очередного, уже третьего раздела Польши за последнее столетие. Убеждают и материалы исследований, например, в «Историческом очерке Польского сейма» констатируется, что эволюция политического развития польского государства проходила в направлении ликвидации народного представительства. В частности, звенья названного процесса: «период усиления сеймиков (1572–1648), их преобладания (1648–1764) и ограничения их власти в последние тридцать лет существования Речи Посполитой» (сеймики – дворянские собрания по административно-территориальным единицам) подтверждают данный вывод. Была отменена возможность выбора короля шляхтой [6, с. 143], а «в конституцию 3 мая не попали ни постоянный сейм, ни образование особой мещанской избы на сейме» [6, с. 157], тем более что «сеймы вели только к безграничному своеволию шляхетства и угнетению ими прочих сословий» [7, с. 6].

События Смуты XVI–XVII вв. проиллюстрировали далеко идущие международные амбиции польского государства, нестабильность в отношениях Польши и России, а также продолжающиеся взаимные претензии на территориальную и политическую самостоятельность. Поскольку ни одной, ни другой стороне в итоге не удалось совершить приобретения, то можно говорить, что и позиции их остались прежними, а геополитические противоречия сохранились. Внутри же польского общества Смутное время привело к «окончательному распаданию» аристократического элемента, но простонародью, однако, не удалось получить его наследия, поскольку оно досталось через посредство служилых людей придворной камарилье и бюрократии [8, с. 410].

Дальнейшее изменение основ суверенитета Польши связывают с заключением в 1768 г. российско-польского договора о «гарантии» государственного и сословного строя Речи Посполитой. Как доказал исследователь Б. В. Носов, оно означало формальное признание зависимости шляхетской республики от Российской империи, сохранение политической анархии в Польше и устранение влияния в Речи Посполитой других великих держав [9]. Однако международная ситуация оставалась нестабильной, и дальнейший раздел Польши в эпоху Екатерины II стал продолжением европейской политики, поскольку с конца 60-х гг. XVIII в. король Пруссии Фридрих II старался добиться согласия России на раздел Польши. В 1770 г. Австрия захватывает два староства в Польше, ссылаясь на то, что некогда эта территория принадлежала Венгрии, причем Фридрих II не возражал против такого развития событий. Россия, будучи в сложном внешнеполитическом положении, тем не менее, стремясь сохранить целостность Польши и удержать ее под своим влиянием, отвергла выдвигаемые Пруссией планы раздела Речи Посполитой. Выждав определенное время, Фридрих опять обратился к России с предложением о разделе Польши. Условия затяжной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., сближение Пруссии с Австрией и вынудили Россию пойти на соглашение [10, с. 43]. Король Станислав Август отказался от престола; области Литовская, Гродненская и Курляндская были присоединены к России; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское – к Австрии; остальные земли с городом Варшавой – к Пруссии¹. В итоге всех разделов польского государства к началу XIX в. к России присоединены: по первому разделу в 1772 г. отошли некоторые белорусские земли и часть Прибалтики². По второму разделу в 1793 г. отошла еще часть Белоруссии и Пра-

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 694. Оп 2. Ед. хр. 119. Л. 29, 59.

² Секретная конвенция относительно первого раздела Польши. 4 (15) января 1772 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 6. Трактаты

вобережная Украина, а в итоге третьего в 1795 г. – Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни³, т. е. произошло воссоединение белорусских и украинских земель; соответственно, их вхождение не противоречило коренным интересам основной части населения.

Предметом обсуждения послевоенного устройства Европы в 1815 г. стало и обсуждение существования Польши, выступившей на стороне Наполеона как единого государства. Предложения России о включении Герцогства Польского целиком в состав Российской империи и об установлении на ее территории конституционного правления не были поддержаны Австрией, Францией и Англией, так как они стремились не допустить территориальной целостности Польши. Возможно, стоит согласиться с мнением, что хотя России и были чужды польские земли, но поскольку единая Польша не была нужна Европе, то разделили ее из-за вынужденной необходимости в международно-политической ситуации [11, с. 213]. «Дружественным трактатом, заключенным в Вене, между их величествами императором всероссийским и императором австрийским и королем прусским – Об утверждении благосостояния поляков»⁴ устанавливалось, что Герцогство Варшавское «навсегда присоединяется к империи Российской» и что оно, «в силу своей Конституции, будет в неразрывной с Россией связи и во владении его величества императора, наследников его и преемников на вечные времена». Уже в данном документе Александр I выразил стремление «даровать по своему благоусмотрению внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением». Констатируется, что «сообразно с существующими в рассуждении прочих его титулов обычаем и порядком присовокупить к оным и титул Царя (Короля) Польского», т. е. смысл власти императора в присоединенной территории и административной системы в ней России идентичен вошедшим ранее окраинным территориям.

По воле сторон Трактата определялось, что поляки в составе государства-победителя будут иметь «народных представителей и национальные государственные учреждения», но основанием их предоставления станут определенные верховной властью формы, «согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений». Следовательно, речь идет об установлении «особенного управления» в обозначенных польских территориях, а вовсе не о личной унии созданного Наполеоном Великого Герцогства Варшавского и Российской империи, причем «особость» предлагается реализовать существующим законодательством России о регулировании регионального управления, обещанием организации избранных от местного населения органов управления и дальнейшей волей императора. Провозглашение упомянутым актом Кракова вольным городом было регламентировано «дополнительным трактатом о Кракове, области его и Конституции...»⁵. Предусматривалось покровительство над ним «трех высоких договаривающихся сторон» на основе 22 содержащихся в Трактате статей «Конституции вольного города Кракова».

Присоединенная значительная часть Герцогства Варшавского получила от Александра I наименование Царства Польского, поскольку Манифестом от 9 мая 1815 г.⁶ декларирова-

с Германиею. 1762–1808. № 223. С. 71–81; Конвенция, заключенная в С.-Петербурге относительно раздела Польши. 25 июля 1772 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австрией. 1772–1808. № 31. С. 24–29.

³ Конвенция, заключенная между Россией и Пруссией, относительно нового раздела Польши. 13 (24) октября 1795 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 6. Трактаты с Германиею. 1762–1808. № 233. С. 163–170; Конвенция относительно раздела Польши, заключенная между Россией и Пруссией, при участии Австрии. 13 (24) октября 1795 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австрией. 1772–1808. № 48. С. 277–280.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25824.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25826.

⁶ Там же. № 25842.

лось восстановление Царства Польского верховной властью России, закреплялось автономное управление поляков «на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей и к местному их положению примененных». Итоговым «Актом Венского конгресса»⁷ в общей формулировке определяются, как давно решенный вопрос, подразумевающие широкую самостоятельность в публичном праве подходы к управлению российской частью польских территорий, хотя в основном источник касается гарантий суверенных прав для прусского королевского двора в новых владениях. В продолжение заявлений императорским манифестом жителям Царства объявлено о даровании конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати (Пруссия и Австрия ограничились введением территориального местного самоуправления). Окончательная редакция конституции была создана министром-статс-секретарем И. Соболевским, осуществлявшим связь между императором и польским правительством. Широкое распространение в исследованиях этот нормативный правовой акт получил под названием «Конституционная хартия», поскольку при переводе с французского употреблен близкий по значению, но европейский термин – «хартия». Однако, как справедливо заметил современный исследователь С. В. Кодан, будет и точнее, и юридически правильнее применять сочетание «Конституционный устав» [12, с. 57], поскольку текст составлен на русском языке, получил реализацию в Российской империи и потому переводом должен иметь русское слово.

Основные положения Устава устанавливали правовой статус присоединенной территории в качестве части империи и обозначали российского императора источником верховной власти. То есть для публично-правовой сферы устанавливался примат в правовом регулировании российской государственной власти, которая особо тщательно контролировала развитие государственного права. Монарх объявлялся польским королем, и корона Царства становилась наследственной для русских царей по русским законам. Власть императора законодательно ограничивалась конституцией: «конституционная хартия определяет порядок и принципы отправления верховной власти», соблюдать ее император обязывался особой клятвой, произносимой во время коронации царем Польши. Относительно статуса и основ публичного управления источником предписаны следующие правила: польскому народу гарантировалось народное представительство. Оно реализовалось в сейме, состоящем из царя и из двух палат. Первой был Сенат, вторая включала послов и депутатов от гмин; уточнялось, что верхняя палата состояла из членов, пожизненно назначаемых императором из числа принцев крови, епископов и кастелян, собиралась «для отправления законодательных функций... не иначе как по созову царя во время сейма», для решения остальных вопросов – по созову назначенным царем председателем. Нижняя палата состояла из депутатов, избранных путем прямого голосования на местных дворянских собраниях и избирателями в гминах по сословной избирательной системе с учетом имущественного ценза (значительная часть населения, включая уже лично свободных к тому времени крестьян, не имела право избирать). Сейм лишен законодательной инициативы: «...заявления, представления и запросы послов и депутатов о благе и пользе их доверителей» сейм мог принимать только после одобрения их императором, но обладал правом вето и требования отчета правительства. В итоге по уставу Царство Польское в составе Российской империи выступало как национально-территориальное образование с элементами собственной государственности, локализованной системой законодательной деятельности и сложившегося к этому времени местного права.

При внедрении перечисленных норм на практике учитывались следующие условия: деятельность царя должна была строго согласовываться с представителями администрации, обладавшими правом следить за соблюдением конституционных основ, в частности, «все повеления и указы царя контрастируются министром – начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного конститу-

⁷ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25826.

ции и законам». Важное место отводилось Уставом самостоятельности суда, судебная власть провозглашалась независимой, при этом под независимостью судьи понималась «присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям», однако за императором сохранялось право изменить или даже отменить любое судебное решение. Кроме того, Уставом были предоставлены буржуазные свободы: печати, равенства всех сословий перед законом, неприкосновенность личности и т. д. [13, с. 153].

Обобщая вышеизложенные нормы законодательства, выделим сложившуюся на практике систему управления Царством (Королевством) Польским. Итак, вся полнота власти принадлежала королю (русскому царю), но при этом законодательную власть он осуществлял совместно с сеймом, в который входили: 1) король, 2) Сенат, 3) Посольская изба. Сенат состоял из членов королевской фамилии, а также назначаемых королем епископов и высших должностных лиц. Посольская изба состояла из 77 депутатов от шляхты и 51 – от гмин. Сейм должен был собираться каждые два года или по мере необходимости. В действительности всего состоялось 4 сейма – в 1818, 1820, 1825 и 1830 гг. Компетенции сейма, по сравнению с наполеоновской конституцией 1807 г., были несколько расширены: он мог осуществлять законодательство в области суда и административного права, принимать решения по вопросам денежной системы, налогов и бюджета. Однако первый бюджет, вопреки конституции, утвердил сам царь. Законодательная инициатива вверялась государственному совету, состоявшему из административного совета (в 1826 г. был преобразован в высший правительственный орган) и общего собрания. В административном отношении королевство подразделялось на 8 воеводств, управлявшихся коллегиальными воеводческими комиссиями. Воеводства, в свою очередь, делились на поветы и гмины (общественно-территориальные единицы). Создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами. Во главе управления королевством стоял наместник, назначаемый королем. Главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин, наместником – генерал Зайончек. Императорским комиссаром при административном совете стал сенатор Н. Н. Новосильцев.

Таким образом, политико-правовая конструкция автономизма Царства Польского по Конституционному уставу воплощалась в дуалистической модели устройства государственной власти, оставляя окончательное решение всех вопросов за верховной властью и соединяя неограниченное самодержавие с конституционным порядком в национальном регионе империи. Заметим, что похожее устройство власти в начале XIX в. было законодательно оформлено и в соседних землях Российской империи – Финляндии и Бессарабии, однако Царству предоставили автономию и конституцию, более широкую, чем финляндская [14, с. 19]. Речь не идет о правовой базе реальной унии с Россией, поскольку при толковании норм ноябрьской конституции однозначно ясно, что актом подчеркнуты прерогативы дискреционной власти императора в области законодательства, причем с опорой на государственный суверенитет и законы России. В акте волей российского законодателя изменялась существующая система публичной власти польского государства, местное представительное учреждение определялось октроированной императором конституцией, оно не обладало правом законодательной инициативы и возможностью влиять на наследственный статус российского монарха (например, в гипотетической ситуации выборов царя). Значит, в лучшем случае Царство Польское получало национально-территориальную автономию, которую мы и называем автономизмом вследствие унитарности общего политико-территориального и законодательного устройства России. С юридической точки зрения, формально, оно получило национально-территориальное самоуправление вследствие гарантирования властью империи особых прав сформировавшейся этнической группы – поляков с соответствующими культурой, религией, языком.

Твердые убеждения императора в необходимости распространить на приобретенной территории конституционный порядок и его надежды на положительный результат этого процесса выразились в том, что у Александра I было явное желание присоединить к Царству Польскому

западные губернии. То были начальные идеи императора, но еще до выступления в польском сейме он отказался от этой мысли в пользу распространения конституционного устройства на всю территорию России. Следовательно, вопрос польской конституции совершенно явно стоит в одном ряду с другими важнейшими решениями государственного устройства империи в целом. Речь императора перед избранными сеймиковыми и гминными депутатами общепольского сейма обращала внимание всего российского общества на то, что от предлагаемого введения конституционного устройства в Польшу зависят будущие преобразования в России, об этом говорит и тот факт, что она была произнесена по-французски с последующим сразу же в собрании сейма переводом на русский и последующей публикацией в русских газетах. Значение речи Александра I подчеркнуто в начале выступления: «Образование, существующее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то [правление], которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние, надеюсь я, с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные» [13, с. 157]. Следовательно, правительственные круги придерживались мнения, что Царство Польское, в общем-то, обычная территория государства, лишь временно имеющая особенное управление – до расширения конституционных основ в пределах всей России. Но, возможно и вполне естественно для формы российского государства того времени, и обратное: если укрепление конституции в государственном строительстве не получит дальнейшего развития, то и в Царстве будут осуществлены преобразования по ликвидации ее «особости» и уравнивания с другими территориями в силу такого права верховной власти в границах российского государства.

И все же возникает вопрос: если в 1815 г. было решено, что в Польше решение местных дел осуществлялось на основе обособленной административной и частично правовой системы, избранными доверенными от общества представителями, то какие условия привели к возникновению причин революционных настроений и действий и как была реализована линия правительственных властей империи на сохранение исторически оформившихся в Царстве Польском учреждений, при необходимости выражения общеимперских интересов в пределах действия общего права империи и суверенитета, сконцентрированного в лице монарха – одновременно и Царя Польского, и Императора Всероссийского? Эти и другие аспекты проблематики требуют более подробного анализа и разнопланового подхода.

Исследовательские подходы и соответствующие оценки представленных событий по присоединению Герцогства неоднозначны, например, в связи со 100-летним юбилеем присоединения западных губерний, они и вовсе воспринимаются как негативные: «Факт восстановления Царства Польского принес большой вред не только западным нашим губерниям, но и целой России», поскольку способствовал мятежным настроениям и событиям [15, с. 24]. Безусловно, с точки зрения признаков различных форм государственных союзов, типологически соотносимых с пониманием имперского политико-территориального устройства, применительно к условиям присоединения Польши заниматься анализом произошедшего сложно ввиду проекции известной противоречивости дальнейшей административной линии в отношении Царства – от обещанного национально-территориального автономизма к внедрению после революционных событий 30-х гг. общеимперских государственных и правовых учреждений и далее опять к эфемерной национально-территориальной обособленности, и, наконец, к общеимперскому типу администрации с сохранением лишь некоторой судебной самостоятельности. В связи с выделенной многозначностью оформления во времени нормативно-управленческой системы в территории есть необходимость отразить правовые принципы, закрепляющие условия момента присоединения (а возможно, соединения, поскольку есть основания ставить и так проблему) значительной части Герцогства Варшавского к Российской империи.

В итоге исследования вопроса вернемся к тому факту – Венским договором 1815 г. в ст. 1 устанавливалось принципиальное правило, что император «сохраняет за собой право дать этому государству, пользующемуся особым административным строем, внешние грани-

цы, какие он заблагорассудит», и потому классик юридической науки С. А. Алексеев приходит к суждению, что Варшавское герцогство было присоединено к России, таким образом, не в силу договора между Россией и Польшей, а в силу договора между государствами, заключившими Венский трактат. Соответственно, приходим к суждению, что имеем юридический состав инкорпорации, а не реальной унии. Согласимся с убеждением ученого в том, что если первоначально Польша была разделена между победителями Франции, а затем ее отдельные территории отошли к победителям, то польское государство не могло в момент заключения Венского договора 1815 г. выступать субъектом международного права. Добавим к этому утверждению, что, лишившись к этому моменту суверенитета, она оказалась в подчиненном положении, у нее отсутствовал выбор, поскольку она уже выступала стороной обязанной. И, как следствие правовой позиции, С. А. Алексеев ставит акцент: потому и российский монарх как единственный источник власти в империи придерживался следующего рассуждения: «Обязательства, вытекающие для России из Венского договора, суть обязательства России не по отношению к Польше, а по отношению к государствам, заключившим Венский трактат» [16, с. 200].

Список литературы

1. **Семенов А.** Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» / Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 20–29.
2. **Лаптева Л. Е.** Красняков Н. И. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в. Закрепление автономистской традиции в российской государственности. – Рецензия на монографию // Государство и право. 2010. № 10. С. 124–126.
3. **Чубарьян А.** Тема империй в современной историографии. Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 10–14.
4. **Красняков Н. И.** Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2023. 460 с.
5. **Губарев Д. Н.** Проект Д. Н. Губарева гражданского управления в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 27 с.
6. **Кареев Н.** Исторический очерк польского сейма. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1888. 169 с.
7. **Еленев Ф. П.** Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь. СПб.: Тип. И. Шумахера, 1863. 88 с.
8. **Валишевский К.** Смутное время: Репринт. воспроизведение изд. 1911 г.: [Пер. с фр.]. М.: Совмест. сов.-фин. предприятие «ИКПА», 1989. 434 с.
9. **Носов Б. В.** Установление российского господства в Речи Посполитой. 1765–1768 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2004. 728 с.
10. **Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.** Федерализм в истории России: [в 3 кн.]. М.: Республика, 1992. 238 с.
11. **Струве П. Б.** Великая Россия / Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 211–220.
12. **Кодан С. В.** Александр I и реформы: между абсолютизмом и конституционализмом // Чиновник, 2005. № 6. С. 55–62.
13. **Мироненко С. В.** Самодержавие и реформы: Полит. борьба в России в нач. XIX в. / Отв. ред. С. С. Дмитриев; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989. 238 с.
14. **Игнатъев Е.** Россия и окраины: Очерк / Под ред. проф. И. И. Иванюкова. СПб.: Тип. С. М. Проппера, 1906. 47 с.

15. **Никотин И. А.** Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876). Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1886. Т. 1. 1886. 381 с.
16. **Алексеев А. С.** Русское государственное право / Конспект лекций орд. проф. Имп. Моск. ун-та А. С. Алексеева. 4-е изд. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1897. 583 с.

References

1. **Semenov A.** Review of the work of the international conference “The History of Empires: comparative methods in study and teaching” / The Russian Empire in a comparative perspective. Collection of articles / Edited by A. I. Miller. Moscow, 2004, pp. 20–29. (in Russ.)
2. **Lapteva L. E.** Krasnyakov N. I. Western national regions in the system of public administration The Russian Empire in the XVIII – early XX century. Consolidation of the autonomist tradition in the Russian statehood. – Review of the monograph. *State and law*, 2010, no. 10, pp. 124–126. (in Russ.)
3. **Chubaryan A.** The theme of empires in modern historiography. The Russian Empire in a comparative perspective: Collection of Articles. A. I. Miller (Ed.). Moscow, 2004, pp. 10–14. (in Russ.)
4. **Krasnyakov N. I.** The Russian Empire: the experience of managing national regions (mid-XVII – early XX century). Novosibirsk, 2023, 460 p. (in Russ.)
5. **Gubarev D. N.** D. N. Gubarev’s project of civil administration in Russia. St. Petersburg.: Type. A. S. Suvorin, 1886. 27 p. (in Russ.)
6. **Kareev N.** Historical sketch of the Polish Sejm. Moscow, Type. A. I. Mamontov and Co., 1888, 169 p. (in Russ.)
7. **Elenev F. P.** Polish civilization and its influence on Western Russia. St. Petersburg, I. Schumacher Type, 1863, 88 p. (in Russ.)
8. **Valishevsky K.** The Time of Troubles: A reprint. reproduction of the 1911 edition: [Translated from French]. Moscow, 1989, 434 p. (in Russ.)
9. **Nosov B. V.** Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 176-1768. V. K. Volkov (Ed.). Moscow, 2004, 728 p. (in Russ.)
10. **Abdulatipov R. G., Boltenkova L. F., Yarov Yu. F.** Federalism in the history of Russia: [in 3 books]. Moscow, Republic publ., 1992, 238 p. (in Russ.)
11. **Struve P. B.** Great Russia / Nation and empire in Russian thought at the beginning of the XX century. Moscow, 2004, pp. 211-220. (in Russ.)
12. **Kodan S. V.** Alexander I and reforms: between absolutism and constitutionalism. *Official*, 2005, no. 6, pp. 55-62. (in Russ.)
13. **Mironenko S. V.** Autocracy and reforms: Polit. the struggle in Russia in the beginning. XIX century. S. S. Dmitriev (Ed.); Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. Moscow, Nauka publ., 1989, 238 p. (in Russ.)
14. **Ignatiev E.** Russia and the Suburbs: An essay / Edited by prof. I. I. Ivanyukov. St. Petersburg, Type. S. M. Propper, 1906, 47 p. (in Russ.)
15. **Nicotin I. A.** The centennial period (1772–1872) of Russian legislation in the provinces reunited from Poland and legislation on Jews (1649–1876). Vilna, A. G. Syrkin’s type, 1886, vol. 1. 1886, 381 p. (in Russ.)
16. **Alekseev A. S.** Russian state law / Lecture notes by Ord. Prof. Imp. Moscow. A. S. Alekseev University. 4th ed. Moscow, Type. The distribution of useful books, 1897, 583 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ
SPIN 5429-3412

Information about the Author

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation
SPIN 5429-3412

*Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-15-21

Мечтать не вредно – вредно не мечтать: о будущем искусственного интеллекта в правосудии России

Роберт Семенович Абдулин

Курганский государственный университет,
Курган, Россия

abrosem@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются вопросы интеллектуализации судебной системы, заключающиеся в организации судопроизводства с применением информационнокоммуникационного инструментария, что является принципиально новой конфигурацией организационного обеспечения судебной деятельности и в корне отличается от ранее установленной привычной модели. Рассматриваются также вопросы интегрирования в ткань правосудия искусственного интеллекта (ИИ), с передачей цифровому субъекту когнитивных свойств и способностей человека, таких как внимание, память и ее гибкость, воображение, умение логически рассуждать, и даже этические координаты. При этом автор статьи приводит аргументы, исключающие не только передачу искусственному интеллекту самостоятельного разрешения юридических конфликтов, но и вообще его создание в целях отправления правосудия.

Ключевые слова

искусственный интеллект, правосудие, судебная система, суд, информационное обеспечение, цифровые технологии, принципы, классификация

Для цитирования

Абдулин Р. С. Мечтать не вредно – вредно не мечтать: о будущем искусственного интеллекта в правосудии России // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 15–21. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-15-21

It's Not Harmful to Dream – It's Harmful Not to Dream: about the Future of Artificial Intelligence in Russian Justice

Robert S. Abdulin

Kurgan State University,
Kurgan, Russian Federation

abrosem@yandex.ru

Abstract

The article examines the issues of intellectualization of the judicial system, which consist in the organization of legal proceedings using information and communication tools, which is a fundamentally new configuration of organizational support for judicial activities and which are fundamentally different from the previously established familiar model. At the same time, the article examines the issues of integrating artificial intelligence (AI) into the fabric of justice, with the transfer of human cognitive properties and abilities to a digital subject, such as attention, memory and its flexibility, imagination, the ability to reason logically, and even ethical coordinates. At the same time, the author of the article provides arguments that exclude not only the transfer of artificial intelligence to the independent resolution of legal conflicts, but also its creation in general for the purpose of administration of justice.

© Абдулин Р. С., 2024

Keywords

Artificial intelligence, justice, judicial system, court, information support, digital technologies, principles

For citation

Abdulin R. S. It's not harmful to dream – it's harmful not to dream: about the future of artificial intelligence in Russian justice. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 15–21. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-15-21

В настоящее время идет довольно интенсивная рационализация организационных процессов в различных направлениях деятельности государства. Сформировавшаяся за последние два десятилетия электронно-информационная среда показала не только свою результативность, но и востребованность в социальных отношениях. В свою очередь, это привело и к постепенному формированию как профессиональных, так и научных понятий (терминов), относящихся к данной сфере деятельности. Говоря проще, по мере развития технологий появился свой специальный язык точного выражения соответствующих электронных и цифровых операций, которые в действительности можно назвать образованием новой терминологической системы. Теперь не вызывает особого удивления, когда говорят о таких элементах новой терминосистемы, как технологии распределенного реестра (блокчейн), видео и веб-конференц-связь, вебинар, искусственный интеллект, нейросети, криптография, криптовалюта и др., включенные в язык общения при обращении к информационным и цифровым технологиям. Процесс интеллектуализации современного общества не обошел стороной и судебную систему. В основном он коснулся вопросов формирования единого информационного пространства, направленных как на обеспечение прозрачности судебно-правовой информации, так и повышения эффективности судебной системы путем рассмотрения дел в судах с применением веб-видеоконференц-связи. Все это стало возможным благодаря внедрению в судебной системе Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), функционирование и эксплуатация которой обеспечивается специальным программным обеспечением, интегрированным в различные направления судебной деятельности. Безусловно, все названные выше процессы повышения организационной эффективности деятельности судов благотворно повлияли на снижение нагрузки как на судей, так и на аппарат суда, обеспечили гражданам и юридическим лицам доступность к правосудию. На сегодняшний день ГАС «Правосудие» внедрена в работу всех судов общей юрисдикции и Судебного департамента при Верховном Суде России, а с 2021 г. такой программно-технический комплекс обеспечения информационного взаимодействия стал доступен и федеральным арбитражным судам. Кроме этого, разработка специального программного обеспечения в рамках ГАС «Правосудие» позволила сделать более интенсивным и эффективным взаимодействие с информационными системами нескольких ведомств, в частности, с Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах, Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной налоговой службой и др. Однако все эти новации можно назвать лишь улучшением организации судопроизводства с применением информационно-коммуникационного инструментария, что, безусловно, также является принципиально новой конфигурацией организационного обеспечения судебной деятельности, которая в корне отличается от ранее установленной и привычной модели. И здесь можно в полной мере согласиться с суждениями А. А. Карцхия, который пишет, что «электронные сервисы создали новые условия, новый технологический базис для изменения традиционных правовых институтов, их адаптации к новым реалиям технологической среды обитания человека» [1, с. 43–45]. Таким образом, применение информационных технологий и электронных сервисов – это лишь своего рода экзоскелет, т. е. программа, разработанная для повышения эффективности деятельности судебной системы, в том числе в отправлении правосудия, но никак не искусственный интеллект, способный самостоятельно создавать творческие результаты интеллектуальной

деятельности. П. М. Морхат в своей статье «К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта» приводит обобщенную классификацию этого феномена, разработанную исследователями (Йост Н. Кок, Эгберт Дж. У. Бурс, Уолтер А. Костерс, Питер ван дер Путтен и Маннес Поэль). По их мнению, искусственный интеллект включает в себя четыре основные категориальные системы: во-первых, как системы, думающей как люди; во-вторых, как системы, действующей как люди; в-третьих, как системы, думающей рационально, и, в-четвертых, как системы, действующей рационально [2, с. 25–31]. Исходя из такой классификации можно сделать вывод, что искусственный интеллект – это своего рода передача когнитивных свойств и способностей человека, таких как внимание, память и ее гибкость, воображение, умение логически рассуждать и даже этические координаты, некоему цифровому субъекту, приспособленному для решения сложных прикладных задач. Присутствует ли сейчас что-нибудь подобное в современной информационно-коммуникативной системе при отправлении правосудия? Например, хотя бы программное обеспечение вынесения каких-либо процессуальных актов, вплоть до простых судебных решений. Имеются ли в распоряжении судей супермощные компьютеры, которые работают на принципах, присущих мозгу человека, и запрограммированы ли в них совестливость, способность почувствовать и понять эмоции сторон, участвующих в юридическом конфликте? К глубокому сожалению, можно со всей категоричностью констатировать, что этого пока нет. То есть наделение и перенесение на цифровой субъект человеческого образа и его свойств, психических качеств, способности думать и действовать как человек, выглядит пока довольно туманно и является пока лишь мечтой.

В настоящее время в судебной системе, и это бесспорно, идет лишь процесс электронизации, целью которой является модернизация информационно-коммуникативной основы, включающей в себя создание различных информационных каналов и иных способов и средств коммуникации. Наличие в кабинетах судей и работников аппарата судов персональных компьютеров и интернета – это всего лишь инструментарий, позволяющий, как уже указывалось выше, лишь упростить, облегчить работу судьи и, в некоторой степени, автоматизировать некоторые процессы. Однако все происходящие процессы интегрирования различных видов информационных технологий в ткань судопроизводства можно назвать лишь неким движением в сторону искусственного интеллекта, но никак таковым. Тем не менее в этом есть и много положительного. Например, помимо прочего, внедрение в судебную систему новых информационных технологий активно влияет и способствует повышению IQ (коэффициента интеллекта) как судьи, так и работников аппарата. И все же следует, что, несмотря на туманное будущее, судейское сообщество все же живет мечтами о появлении в распоряжении судей такой разумной машины (ИИ), которая была бы, хоть отчасти, наполнена человеческим интеллектом. И это хорошо видно из «Европейской этической хартии по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях», утвержденной Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы в декабре 2018 г., в которых сформулированы основные принципы применения искусственного интеллекта. Среди них принцип соблюдения прав человека, в силу которого применение компьютерной программы не должно умалять состязательности процесса и права на справедливое судебное разбирательство; принцип запрета дискриминации; принцип качества и безопасности, предполагающий использование сертифицированного программного обеспечения, оценка которого проводится как техническими специалистами, так и юристами; принцип прозрачности, в силу которого все применяемые технологии должны быть доведены до всеобщего сведения в понятной форме и, наконец, принцип пользовательского контроля [1, с. 10–15]. Между тем, откровенно говоря, ничего необычного в этих принципах нет. Любой судья, в частности и в нашем государстве, все названные принципы обязан соблюдать в своей повседневной практической деятельности, поскольку они являются фундаментальными при применении не только информационных технологий. Думается, что все же при появлении в распоряжении судей искусственного интеллекта в виде

«разумных машин», наполненных человеческим интеллектом, эти принципы будут переработаны и более конкретизированы.

А теперь помечтаем. В случае создания неживого цифрового существа (ИИ) с перенесением в него присущих человеку психических, чувственных, эмоциональных и осмысленных человеческих чувств, что можно обозначить как антропоморфизм, безусловно, потребуются признание за ним некоего правового статуса. И тут же следует иметь в виду, что потенциал такой машины, конечно же, будет несравнимо выше потенциала работающих судей. И для такого утверждения есть все основания. Она, т. е. разумная машина с человеческим интеллектом, может качественно и беспристрастно оценивать доказательства по запрограммированному в нем функционалу, основанному на совокупности имеющихся в уголовном, гражданском деле или деле об административном правонарушении, доказательств, и путем обработки многочисленной судебной практики, точно квалифицировать содеянное или разрешить юридический конфликт. При этом в противовес судье разумная машина не устает, не подвержена стрессам, неподкупна, обладает высоким уровнем знаний. Несомненно, такое положение заставляет судебское сообщество заранее беспокоиться о том, что такой субъект с искусственным интеллектом как «умный судья» при обращении к нему может создать довольно серьезную конкуренцию в принятии любых решений. Думается, что именно поэтому появление в судебной системе цифрового субъекта, запрограммированного для отправления правосудия как альтернативы живому судье, в судебном сообществе воспринимается с большой осторожностью. По мнению председателя Совета судей РФ В. Момотова, есть опасения, что «система искусственного интеллекта, совершенствуясь, станет влиять на человека, подчиняя его себе, и она может вырасти в опасный для человека мир». Здесь можно продолжить мысль В. Момотова и дополнить: в таком случае есть угроза, что искусственный интеллект будет не при судье, а наоборот, судья будет выполнять чисто технические операции при обращении к искусственному интеллекту. Далее В. Момотов приводит следующие аргументы против создания разумной машины как альтернативы судье. По его мнению, «процессуальное законодательство требует от судьи при оценке доказательств руководствоваться своим внутренним убеждением, которое является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. В зависимости от обстоятельств одни и те же доказательства могут быть в одном деле отвергнуты, а в другом, наоборот, приняты за основу. Кроме того, суд при вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе, а при отсутствии конкретного правового регулирования применяется аналогия закона и аналогия права». И в завершении своих доводов о перспективах развития искусственного интеллекта в правосудии В. Момотов прямо указывает, что «говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно, а скорее всего – невозможно» [4]. Безусловно, при таком подходе появление в судах разумных цифровых существ с человеческим интеллектом отодвигается на более дальние и туманные горизонты, даже скажем, остаются в мечтах. И с этим можно было бы и согласиться, если бы не одно очень важное обстоятельство. Ведь речь не идет «о замене судьи искусственным интеллектом», как это представляет себе В. Момотов. По сути, речь идет о создании для физических и юридических лиц возможности выбора субъекта, отправляющего правосудие. И это актуально, поскольку какая-то часть населения и юридических лиц, испытывающая определенное недоверие к судебной системе, а для этого все же есть основания, будет лишена права на беспристрастное рассмотрение его дела, в том числе и искусственным интеллектом. Чтобы не быть голословным, взглянем на обзор результатов деятельности Высшей квалификационной коллегии судей РФ (далее – ВККС) об удовлетворении представлений Председателя следственного комитета РФ. Так, за последние четыре года (2020–2023 гг.) ВККС дано согласие на возбуждение уголовного дела в отношении восьмидесяти судей. Помимо того, в отношении четырнадцати судей дано согласие на привлечение в качестве обвиняемого, а в отношении семи судей дано согласие на исполнение судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Как указывалось в одном из обзоров деятельности ВККС, 70 %

совершенных судьями преступлений относятся к коррупционным (взяточничество, мошенничество, превышение должностных полномочий, вынесение заведомо неправосудных судебных решений и др.). Для примера можно привести расследование уголовного дела в Ростовской области, где руководство регионального суда организовало состоящую из судей преступную группу по вынесению заказных судебных решений за взятки [5].

Между тем, для того чтобы дело было рассмотрено искусственным интеллектом, максимально неотличимым от человека, он должен быть наделен, как пишут З. И. Хисамова и И. Р. Бегитов, некой новой формой правосубъектности» [6, с. 100–105]. Безусловно, такая материализация искусственного интеллекта в соответствии с его функционально-целевым назначением повлечет за собой изменения не только статей 30 УПК РФ, 14 ГПК РФ, 17 АПК РФ и 29 КАС РФ, но и всей процедуры судопроизводства. Это довольно серьезные и глобальные, даже можно сказать, революционные преобразования в отправлении правосудия. Несомненно, в случае признания за искусственным интеллектом, способным испытывать биомеханические, биохимические, психические реакции и процессы, правосубъектности, вполне закономерно встает вопрос и о роли и месте судьи в этом процессе. Думается, что в этом случае судья будет выполнять лишь функции ретранслятора между искусственным интеллектом и участниками процесса.

А теперь давайте подумаем вместе, а возможно ли вообще создать машину, полностью подобную человеку, которая может как человек ставить перед собой цели и задачи, генерировать новые знания, разбирать юридические конфликты и принимать по ним решения. К глубокому сожалению, а может быть все-таки к счастью, человечество может создать различные программы, которые будут функционировать в виде отдаленно похожих на разумные машины, но никак не цифрового судью, который станет своего рода партнером и альтернативой биологическому судье. Например, программное обеспечение по распознаванию лиц, которое широко используется в мире. Переход на другие цифровые программы позволяет гражданам также решать многие бытовые вопросы (расплачиваться за продукты питания, снимать наличные в банкомате или даже брать кредиты). Такие передовые технологии используются и в деятельности правоохранительных органов и других сферах жизнедеятельности человека. Однако это никак не искусственный интеллект, как его пытаются представить, это всего лишь программа, составленная человеком. И мы никогда не поставим знак равенства между человеком и программой, которую он же создал и пользуется ею. Безусловно, можно создать имитацию человеческого интеллекта и сознания, но, как сказала нейробиолог, профессор Т. Черниговская, «мозг нам не по мозгам – он настолько сложнее, чем те, к кому он попал». И она же продолжает, что «искусственный интеллект – это тень, которая должна знать своё место. Нельзя отдать этот мир машинам. Последнее слово должно оставаться за человеком» [7]. Однако для того чтобы поставить точку в этой дискуссии, обратимся еще к одному авторитетному мнению. Так, академику РАН И. Каляеву задали вопрос о возможности в принципе создать машинный прототип мозга человека. На что он ответил, что «в начале 2018-го в Китае провели эксперимент. Моделирование секундной активности одного процента мозга на самом быстродействующем на тот момент в мире суперкомпьютере Sunway Taihulight заняло около четырёх минут. Если экстраполировать этот результат, то получится, что для моделирования ста процентов мозга человека в реальном времени потребуется суперкомпьютер с производительностью 1020–1021 флопс. Теоретически он может появиться уже к 2030 году, правда, размером с 17-этажный дом с основанием 300 на 300 метров. И потреблять он будет 15 гигаватт электроэнергии, что эквивалентно трём Саяно-Шушенским ГЭС. Так что сравниться с человеческим мозгом искусственному интеллекту вряд ли удастся» [8].

Подводя итог, можно сказать, что создание цифрового субъекта как альтернативы судье в настоящее время является мечтой. И вполне возможно она останется нереализованной. Думается, что для повышения эффективности судопроизводства необходимо работать над совершенствованием уже имеющихся программ и разработкой новых электронно-цифровых тех-

нологий. Однако при этом постоянно должен стоять вопрос о формировании и судейского корпуса, которому доверяло бы общество. Да, заменить судью цифровым субъектом бесперспективно, но назначать на должности судей с учетом высоких требований к морально-личностным качествам кандидата, его репутации на предшествующем месте работы, тщательное выяснение его нравственных качеств, круга знакомых, поведение в быту и в семейной жизни, снимет все проблемы в отношении беспристрастности, законности и объективности судей. Все же судья должен быть с человеческим лицом.

Список литературы

1. **Карцхия А. А.** Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43.
2. **Морхат П. М.** К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156).
3. **Гурбанов Р. А. Оглы.** Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 10–15.
4. **Момотов В.** Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку. URL: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku>
5. Ненеприкосновенность. Как главные судьи Ростовской области сами оказались на скамье подсудимых. URL: <https://161.ru/text/criminal/2023/07/19/72509018/>
6. **Хисамова З. И., Бегисhev И. Р.** Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Моск. гос. област. ун-та. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 100–105.
7. Мозг нам не по мозгам. Нейробиолог Черниговская о ресурсах ума и битве с ИИ // Аргументы и Факты – Нижний Новгород. 25 сент. 2024. № 39.
8. **Академик РАН Игорь Каляев:** Мы никогда не создадим технический аналог человеческого мозга. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/akademik-ran-igor-kalyaev-my-nikogda-ne-sozdamim-tekhnicheskiy-analog-chelovecheskogo-mozga/>

References

1. **Kartskhia A. A.** Digital Rights and Enforcement. *Enforcement Monitoring*, 2019, no. 2, p. 43. (in Russ.)
2. **Morhat P. M.** To the question of defining the concept of artificial intelligence. *Law and state: theory and practice*, 2017, no. 12(156). (in Russ.)
3. **Gurbanov R. A. Oglu.** European Charter on Ethical Principles for the Application of Artificial Intelligence in Judicial Systems: Value Benchmarks. *Journal of Foreign Law and Comparative Law*, 2020, no. 1, pp. 10–15. (in Russ.)
4. **Momotov V.** Artificial intelligence in court will not be neutral to humans. URL: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku> (in Russ.)
5. Not touching. How the chief judges of the Rostov region themselves ended up in the dock. URL: <https://161.ru/text/criminal/2023/07/19/72509018/> (in Russ.)
6. **Khisamova Z. I., Begishev I. R.** The essence of artificial intelligence and the problem of determining legal personality. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 2, pp. 100–105. (in Russ.)
7. The brain is not our brains. Neuroscientist Chernigovskaya about the resources of the mind and the battle with AI. *Arguments and Facts – Nizhny Novgorod*, Sept. 25, 2024, no. 39 (in Russ.)

8. Academician of the Russian Academy of Sciences Igor Kalyaev: We will never create a technical analogue of the human brain. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/akademik-ran-igor-kalyaev-my-nikогда-ne-sozdadim-tekhnicheskiy-analog-chelovecheskogo-mozga/> (in Russ.)

Информация об авторе

Абдулин Роберт Семенович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Института экономики и права Курганского государственного университета, судья Курганского областного суда в отставке, Заслуженный юрист Российской Федерации

Information about the Author

Robert S. Abdulin, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law at the Institute of Economics and Law of Kurgan State University, retired judge of the Kurgan Regional Court, Honored Lawyer of the Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Научная статья

УДК 24.07

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-22-29

Возникновение пенитенциарной системы в Гренландии (конец 1950-х – 1960-е годы)

Андрей Сергеевич Кошкин

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

manson555_94@mail.ru

Аннотация

С развитием государства и общества Гренландии, получения самоуправления в 1978 г. и расширения прав самоуправления в 2009 г., эволюцией уголовного и уголовно-исполнительного права, направленного на регулирование соответствующих отношений в Гренландии, в данном регионе с конца 1950-х гг. стала формироваться региональная пробационная служба и пенитенциарная система. В данной системе начальник полиции являлся инспектором следственного изолятора. Задачи, связанные с отбыванием долгосрочных тюремных заключений, тюрем для несовершеннолетних, домов трудолюбия и режимных учреждений, возлагались на инспекторов отдельных учреждений. Исполнение вышеперечисленных мер лишения свободы осуществлялось под централизованным руководством Министерства юстиции (Управление тюрем). Надзор за условно осужденными и выполнение других условий, предусмотренных при условном осуждении, почти без исключения поручалось частному учреждению Dansk Forsorgsselskab. В 1960-х гг. открыто несколько центров содержания под стражей, однако количество мест в них не позволяло разрешить стоящие перед пенитенциарной службой задачи. Также созданы частные центры содержания, запланированы места для открытия центров принудительных работ (Юлианехоб, Готтхоб, Эгедесминде и К'ор Кут), в 1967 г. открыта тюрьма для опасных преступников в Готтхобе, начато строительство молодежных пансионатов, в том числе для девушек и душевнобольных. Созданная в Гренландии в 1960-х гг. пенитенциарная система складывалась с учетом местных политико-правовых, культурных, социальных условий, в тесной связи с гренландским обществом и его представителями (Национальный совет), представителями судейского корпуса, общественности, службы тюрем и пробации Дании.

Ключевые слова

Гренландия, пенитенциарная система, возникновение, развитие, самоуправление

Для цитирования

Кошкин А. С. Возникновение пенитенциарной системы в Гренландии (конец 1950-х – 1960-е годы) // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 22–29. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-22-29

The Emergence of the Penitentiary System in Greenland (late 1950s – 1960s)

Andrei S. Koshkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University. V. I. Vernadsky
Simferopol, Russian Federation

manson555_94@mail.ru

Abstract

The article states that with the development of the state and society of Greenland, the acquisition of self-government in 1978 and the expansion of the rights of self-government in 2009, the evolution of criminal and penal law, aimed at reg-

© Кошкин А. С., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 4

ulating the relevant relations in Greenland, in this region since the late 1950s began to form a regional probation service and prison system. In this system, the chief of police was the inspector of the remand centre. Tasks related to long-term prisons, juvenile prisons, labour homes and regime institutions were assigned to the inspectors of the individual institutions. The execution of the above measures of deprivation of liberty was carried out under the centralised supervision of the Ministry of Justice (Prison Department). The supervision of probationers and the fulfilment of other conditions of probation was almost without exception entrusted to the private institution Dansk Forsorgsselskab. In the 1960s, several detention centres were opened, including for young people, but the number of places in these centres was not sufficient to meet the challenges facing the prison service. In the 1960s, several detention centers were opened, but the number of places in them did not allow the prison service to meet the challenges. Private detention centers were also established, sites were planned for the opening of forced labor centers (Juliannehob, Godthob, Egedesminde and K'or Kut) and in 1967 a prison for dangerous criminals in Gotthob, and construction of youth boarding houses, including for girls and especially for the mentally ill, began. The penitentiary system established in Greenland in the 1960s was developed in accordance with local political, legal, cultural and social conditions, in close cooperation with Greenlandic society and its representatives (National Council), the judiciary, the public and the Danish Prison and Probation Service.

Keywords

Greenland, prison system, emergence, development, self-government

For citation

Koshkin A. S. The emergence of the penitentiary system in Greenland (late 1950s – 1960s). *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 22–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-22-29

Одной из задач практически любой современной системы исполнения наказаний и иных судебных решений является контроль за условно освобожденными, ограниченными в правах, и иными категориями граждан, не осужденных к лишению свободы, т. е. к заключению в специализированных учреждениях [1, с. 178; 2, р. 55–86].

Во многих странах, в том числе в Дании [1, с. 121–137; 2; 3, р. 67; 4] и, соответственно, в Гренландии [5; 6, р. 4–5], в 1950-х гг. именно полиция отвечала за приведение в исполнение приговоров, в том числе в некоторых случаях и по уголовным делам. Однако это касалось только штрафов и некоторых других санкций, непосредственным исполнением которых собственно и занималась полиция.

Начальник полиции являлся также инспектором местного следственного изолятора, где отбывали наказания в виде лишения свободы и краткосрочных тюремных заключений; в то же время задачи, связанные с отбыванием долгосрочных тюремных заключений, тюрьмами для несовершеннолетних, домами трудолюбия и режимными учреждениями, возлагались на инспекторов отдельных учреждений. Исполнение всех вышеперечисленных мер лишения свободы осуществлялось под централизованным руководством Министерства юстиции (Управление тюрем).

Надзор за условно осужденными и выполнение других условий, предусмотренных при условном осуждении, почти без исключения поручалось частному учреждению Dansk Forsorgsselskab¹, которое, по согласованию с Министерством юстиции и за вознаграждение, взяло на себя индивидуальный надзор и иные задачи. Помимо надзора за правонарушителями, приговоренными к условному осуждению, компания осуществляла надзор за теми из них, что были освобождены условно из пенитенциарных учреждений. Кроме того, компания проводила практически все личные расследования по делам, в которых могло быть применено условное наказание.

В ведении компании находились 3 приемных пункта и 2 пансиона для молодежи, где осуществлялись ее функции. В структуру Forsorgsselskabet в рассматриваемый период входили центральный офис в Копенгагене, 10 местных филиалов в разных частях страны и специальные отделы в различных учреждениях, из которых осуществлялось условно-досрочное осво-

¹ Dansk Forsorgsselskab i 50 år. 1950–2001. URL: A9Rdcvjix_kdbmxw_fck.tmp.pdf (dansk-forsorgsselskab.dk) (дата обращения: 12.01.2023).

бождение. Работа по личному расследованию и надзору осуществлялась частично постоянными сотрудниками, а частично – лицами, которые за определенную плату в каждом отдельном случае оказывали компании помощь в проведении личных расследований и надзора.

Следует также указать, что «до 1973 года компания отвечала за все бесплатные тюремные службы, в частности, за надзор за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, но по Закону от 28 февраля 1973 года эта часть деятельности была передана Министерству юстиции, Управлению тюрем и службы пробации»².

В Гренландии полиция, в соответствии с общим правилом исполнения приговоров по уголовным делам (см. гл. 7, раздел 7 Закона об отправлении правосудия в Гренландии), непосредственно отвечает за исполнение этих мер.

В своем отчете «Уголовный закон о западногренландских общинах» комитет по социальным исследованиям обратил внимание на то, что подобная схема является неудачной, поскольку гренландская полиция была обременена таким количеством разнообразных и сложных задач в рамках полицейской и прокурорской деятельности, что не могла удовлетворительно выполнять их. В принципе сомнительным считалось и то, что исполнением мер занимался тот же орган, который должен был осуществлять расследование и уголовное преследование.

Однако не было найдено никаких оснований для того, чтобы немедленно предложить отделить исполнение мер от полиции, но было рекомендовано изучить возможности создания в Гренландии независимой исправительной службы.

Введенные Уголовным кодексом Дании советы по правонарушениям, в задачу которых входило также получение личной информации о преступнике, так и не вступили в действие, и поэтому эта задача также была возложена на полицию. В каждом значимом случае информация о личных обстоятельствах преступника получается в схематичном виде.

В своем докладе о системе мер, предусмотренных Уголовным кодексом, газета «*Therbild*» выразила ту же озабоченность, что и комитет по социальным исследованиям в отношении существующей системы.

Так, по мнению «*Therbild*», полиция не справляется с исправительными службами в Гренландии, и что полицейские и прокурорские обязанности не всегда могут быть согласованы с таким подходом, который должен быть ориентирован на социальное обеспечение, для того чтобы работа в сфере социального обеспечения была успешной³.

По этой и другим причинам «*Therbild*» сочла неудачным тот факт, что служба пробации и социальный работник подчиняются начальнику полиции. В связи с этим «*Therbild*» считает, что абсолютно необходимо как можно скорее отделить исправительный центр от полиции. Что до информации о личных обстоятельствах правонарушителей, «*Therbild*» пришла к выводу, что во многих случаях они оказываются недостаточными в качестве основы для выбора мер⁴.

По причинам, изложенным комитетом по социальным исследованиям и «*Therbild*», комитет может согласиться с тем, что полиция должна быть освобождена от работы с исправительными учреждениями на свободе.

Согласно отчету «*Therbild*», на 12 мая 1965 г. в бюро социального обеспечения в Годтхобе под надзором находилось в общей сложности 66 осужденных, 32 из которых были помещены в учреждения, а остальные находились только под надзором.

По состоянию на 25 июня 1968 г., согласно данным управляющего социальной службой, в Годтхобе находилось 98 осужденных, из которых 23 были помещены в учреждения, а 57

² Dansk Forsorgsselskab. URL: Компания (dansk-forsorgsselskab.dk) (дата обращения: 27.12.2023).

³ BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 33. URL: 500.pdf (xn--betnkninger-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 31. URL: 500.pdf (xn--betnkninger-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024).

находились только под наблюдением; к этому следует добавить ожидаемое значительное увеличение, поскольку в 104 случаях, находящихся на рассмотрении, были поданы заявления на меры социального обеспечения по 104 не рассмотренным делам, и работа по социальному обеспечению с 16 лицами, приговоренными к помещению в учреждение.

В то же время, как известно, исполнение наказаний было связано со значительными трудностями в их реализации, поэтому нередко вместо ограничения свободы применялся штраф.

С конца 1963 г. в Годтхобе дежурил сотрудник, направленный датским Forsorgsselskab (Датской службой тюрем и пробации), помогая начальнику полиции в проведении практических мер. Очевидно, такое централизованное и квалифицированное руководство работой позволило поставить исполнение мер в более жесткие рамки, чем раньше, и значительно расширило возможности для рационализации работы исправительных учреждений⁵.

Уже на первом совещании окружных судей Гренландии в 1953 г.⁶ утверждалось, что применение УК на практике должно предполагать возможность соответствующего размещения осужденных, в связи с чем было рекомендовано, в частности, выделить 2–3 города, где можно было ожидать постоянную потребность в физическом труде и должны быть места содержания лиц, осужденных к принудительным работам.

В 1956 г. Национальный совет Гренландии рекомендовал рассмотреть вопрос о создании специального дома для размещения молодых преступников-мужчин, предпочтительно в возрасте от 15 до 21 года, поскольку в сложившихся условиях было трудно осуществить необходимые меры в отношении этой возрастной группы⁷.

В 1960 г. вопрос о центрах размещения вновь был поднят на Национальном совете⁸. Было подчеркнуто, что для того чтобы уважение к уголовному праву не было подорвано, необходимо предоставить больше возможностей для размещения заключенных. Внимание, в частности, было обращено на необходимость создания в городах домов для размещения, особенно молодых правонарушителей.

В связи с законопроектом о внесении изменений в уголовное законодательство Национальный совет в 1962 г.⁹ подчеркнул, что чрезвычайно важно как можно скорее создать тюрьмы, предпочтительно в городах, где осужденные могли бы жить в относительно свободных условиях, но так, чтобы за ними был эффективный надзор, особенно в часы досуга. Осужденные должны иметь возможность участвовать в обычных работах в городе. В то же время было высказано мнение, что в Гренландии существует ряд правонарушителей, которые по соображениям правовой определенности и общей законопослушности должны быть в большей степени изолированы от других; в этой связи Национальный совет указал на учреждение в более изолированном месте.

В 1963 г. Национальный совет¹⁰, ссылаясь на то, что возможности применения мер, предусмотренных Уголовным кодексом, крайне недостаточны, настоятельно рекомендовал как можно скорее принять необходимые меры для обеспечения практической реализации этих мер, в том числе как можно скорее построить предусмотренные Законом учреждения.

⁵ BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 40. URL: 500.pdf (xn--betnknings-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024).

⁶ Grønlands første kredsdommermøde, s. 125–131, 146–148 og 173–174.

⁷ Grønlands Landsrådsforhandling. 1956, s. 182–183. URL: Atuagagdliutit - 9. tölublað (03.05.1956) - Timarit.is (timarit.is) (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Grønlands Landsrådsforhandling. 1960, s. 183–185. URL: Atuagagdliutit - 9. tölublað (03.05.1956) - Timarit.is (timarit.is) (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Grønlands Landsrådsforhandling. 1962, s. 102–105. URL: Atuagagdliutit - 9. tölublað (03.05.1956) - Timarit.is (timarit.is) (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ Grønlands Landsrådsforhandling. 1963, s. 207.

В своем отчете по Уголовному кодексу и западногренландским общинам комитет по социальным исследованиям подчеркнул важность предоставления отдельным семьям возможности участвовать в применении мер, связанных с помещением в определенное место¹¹. Как отмечается в докладе, судебные власти Гренландии сочли желательным, чтобы лица, приговоренные к (принудительным) работам, должны быть размещены в таких населенных пунктах, как Юлианехоб, Годтхоб, Эгедесминде и К'ор Кут.

Так или иначе, можно констатировать, что к концу 1960-х гг. Бюро социального обеспечения в Годтхобе зарегистрировало 73 частных центра, из которых только 22 считались полностью пригодными и оправданными.

Назначенный для этой цели менеджер по социальному обеспечению экспатриантов в Гренландии, начиная с 1963 г. инструктировал собственников жилья и следил за тем, чтобы они регулярно представляли отчеты о выполнении программы социального обеспечения. Это позволило установить определенный контроль над центрами размещения. В то же время к недостаткам созданной системы надзора следует отнести совмещение функций воспитателя, надзирателя и опекуна на испытательном сроке для осужденного, что, по нашему мнению, снижало качество контроля за деятельностью частных центров и их подопечных.

В финансовом плане полиция обеспечивала осужденного одеждой, а хозяин, как правило, предоставлял ему питание и жилье и, возможно, небольшую сумму карманных денег в качестве вознаграждения за его труд. Некоторым опекунам полиция выплачивала «вознаграждение за уход» в размере 3–5 датских крон в день за каждого опекаемого.

Для того чтобы уменьшить потребность в центрах временного размещения, по инициативе начальника полиции и руководителя социальной службы в 1966 г. в Холстейнсборге был открыт молодежный пансион, рассчитанный на 6 юношей в возрасте 17/18–21/22 лет. Им руководил гренландский полицейский, который, помимо прочего, контролировал, чтобы размещенные в нем люди нашли работу в городе и каждый день приходили на нее вовремя. В доме была гостиная, столовая, мастерская для хобби, а также одноместный, двухместный и трехместный номера. Возможности для работы в Хольштайнсборге были хорошие.

Центр содержания под стражей в Годтхобе был создан еще в 1956 г. с целью удовлетворения потребности в размещении лиц, осужденных к ограничению свободы. После внесения поправок в Уголовный кодекс в 1963 г. он стал использоваться в качестве учреждения. Его вместимость составляла всего 6 заключенных.

Центр содержания под стражей представлял собой обычный деревянный барак. Помимо 6 небольших одноместных комнат, в нем находились гостиная и столовая, кухня. Однако окна не отличались особой надежностью, а из-за пожарной опасности двери в барак никогда не запирались. Кроме того, следует понимать, что любая попытка бегства в условиях Гренландии была бессмысленна ввиду ее смертельной опасности.

Лица, размещенные в центре, в основном имели работу вне дома, также можно было получить разрешение на отлучку, что регулярно происходило по воскресеньям и в праздничные дни. Помещенные в центр имели возможность для проведения досуга, например, радио, книги и газеты, хобби, игры и т. д.

Критика данного центра содержания под стражей в основном сводилась к тому, что он должен считаться непригодным для содержания более опасных и тяжких преступников, так как их присутствие в учреждении не могло быть надежно обеспечено. Кроме того, указанные условия не учитывали возможности совершения повторных правонарушений (рецидива) работающими вне центра осужденными.

¹¹ BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 51. URL: 500.pdf (xn--betknninger-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024)

С целью увеличения количества мест в тюрьме и обеспечения возможности изоляции опасных преступников 1 сентября 1967 г. в Годтхобе открыта новая тюрьма на 18 заключенных, 6 из которых могли быть помещены в закрытую камеру. Учреждение было построено с учетом возможного последующего расширения с целью удвоения количества мест. Центр также мог функционировать в качестве следственного изолятора для преступников, которые по решению суда должны содержаться под стражей во время судебного процесса.

В учреждении имелось 18 одноместных палат/камер, столовая, комната отдыха, рабочий кабинет и т. д. Условия безопасности были значительно улучшены по сравнению со следственным изолятором.

Начальник полиции являлся инспектором учреждения, а в качестве ежедневного менеджера работал сотрудник Датской тюремной службы, командированный из Дании. Ему помогал прикомандированный сотрудник пенитенциарной службы, проживающий в здании учреждения, где была создана круглосуточная охрана. Кроме того, в состав группы входили 2 сотрудника гренландской полиции.

Также в каждом из полицейских округов имелись либо в полицейском участке, либо в одной из служебных резиденций полицейские комнаты для содержания под стражей. К концу 1960-х гг. они использовались для размещения лиц, которые должны содержаться под стражей по решению суда, т. е. в качестве следственных изоляторов. В то же время данные помещения не отвечали предъявляемым к следственным изоляторам требованиям по свету, теплу, воздуху, питанию, надзору и т. д.

Кроме того, в регионе действовали частные учреждения содержания и школа-интернат для молодежи в Холстенборге, но они не всегда удовлетворяли желаемым условиям, так как не способствовали ресоциализации содержащихся, удалению их неблагоприятного и вредного влияния, окружения. Одним из решений в данной ситуации предусматривалось создание возможности снятия собственного жилья или комнаты при смене жительства и содействии органов социального обеспечения. Однако размещение всех нуждающихся в таком жилье было слишком велико (60 мест) по сравнению с возможностями службы тюрем и probation (22 места в частных учреждениях и 6 в молодежном центре Holsteinsborg). Кроме того, заинтересованными лицами отмечалось растущее нежелание гренландского населения принимать правонарушителя в своем доме¹².

В 1969 г. в Гренландии предусматривалось строительство молодежного дома для девушек, а в 1970-х гг. и для юношей. На время их сооружения предполагалось использовать дома ученичества в виде молодежных интернатов для 150 молодых людей в городах региона. В то же время в рамках инициативы министерства Гренландии в 1970-х гг. планировалось построить молодежные пансионаты на 250 мест: Годтхобе (100 мест). Суккертоппене (50 мест) и Фредериксхобе (100 мест). Особо обсуждались вопросы отдельного от молодежи содержания пожилых правонарушителей.

В соответствии с поправками к УК, предложенными комитетом, а также в соответствии с Законом об отправлении правосудия в Гренландии, ощущалась необходимость в помещении в специальные учреждения в следующих случаях: в соответствии с главой 5, § 16 Закона об отправлении правосудия (см. § 13), действовало разрешение на задержание правонарушителей на время рассмотрения дела. На практике условия были такие же, как для тюремного заключения в соответствии с Законом об отправлении правосудия Дании. Тем не менее во многих случаях не было такой же необходимости в заключении под стражу (тюремном заключении) из-за особых условий в Гренландии, где было сложно уклониться от ответственности путем бегства.

¹² BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 53. URL: 500.pdf (xn--betnknings-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024).

Тем не менее имелаась несомненная необходимость в возможности задержания совершивших тяжкие преступления и рецидивистов на время рассмотрения дела¹³.

Отдельную тревогу у гренландской власти вызвала необходимость: 1) раздельного содержания лиц, осужденных к исправительным работам, осужденных к помещению в исправительное учреждение, уклоняющихся от возложенного на них штрафа; 2) создания самостоятельного центра для содержания душевнобольных. При этом возможности (16–18 человек) открытого 1 сентября 1967 г. центра в Годтхобе (Godthåb) оказались ограничены, а затраты на пересылку осужденных – существенными. Вместе с проблемами в размещении остро стояли вопросы возможности труда заключенных в камерах, организации их питания, совершения ежедневных (2 раза в день) прогулок, раздельного содержания осужденных и заключенных под стражу.

Тем не менее, как видим, вышерассмотренные заведения могли выполнять свои функции лишь в строгом соответствии с действующим уголовным правом Гренландии данного периода, будучи совершенно не приспособленными к его последующему совершенствованию, т. е. к введению норм, устанавливающих ограничение свободы осужденных в специализированных учреждениях.

Формирование пенитенциарной системы Гренландии происходило в условиях преобразования региона из колонии в составную часть Дании (графство), а затем и в процессе становления гренландской автономии. Учитывая невозможность применения Уголовного кодекса Дании 1930 г. для Гренландии, разработано собственное уголовное законодательство и взаимосвязанная с ней система исполнения наказаний. Активное участие в данном процессе приняли Национальный совет Гренландии, бюро социального обеспечения в Годтхобе (занимавшееся непосредственно размещением осужденных), представитель датской службы тюрем и пробации (Forsorgsselskab), совет окружных судей Гренландии и иные заинтересованные органы. В результате их действий созданы частные центры содержания, запланированы места для открытия центров принудительных работ (Юлианехоб, Годтхоб, Эгедесминде и К'ор Кут), а в 1967 г. – тюрьма для опасных преступников в Годтхобе, строительство молодежных пансионатов, в том числе для девушек, а также душевнобольных. Созданная в Гренландии в 1960-х гг. пенитенциарная система складывалась с учетом местных политико-правовых, культурных, социальных условий, в тесной связи с гренландским обществом и его представителями (Национальный совет), представителями судейского корпуса, общественности, службы тюрем и пробации Дании.

Список литературы

1. **Тепляшин П. В.** Европейские пенитенциарные системы: Монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 178.
2. Le systeme peniteniare du Danemarc. Les grands systemes penitentiaire du Danemarc. Les grands systemes penitentiaire actuels. Paris, 1955. P. 55–86.
3. **Furuhagen B.** The Police as a Municipal or State Agency. A Comparison of Police Reforms in Denmark, Norway, and Sweden during the First Half of the Twentieth Century // Nordisk Politiforskning. 2017. № 4 (2). S. 121–137.
4. **Степанов А. В., Иванова О. А., Меньшакова Н. Н.** Актуальные направления повышения эффективности деятельности пенитенциарных систем за рубежом: аналитический обзор. Пермь: Пермский ин-т ФСИН России, 2013. 38 с.
5. **Walker S.** Taming the System. The Control of Discretion in Criminal Justice, 1950–1990. New York & Oxford: Oxford University Press, 1993.
6. **Астемиров З. А., Калинин Ю. В., Шупилов В. П.** Современные пенитенциарные системы капиталистических государств. Рязань, 1977. С. 67.

¹³ BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. BETÆNKNING NR. 500. 1968. S. 55. URL: 500.pdf (xn--betnkninger-c9a.dk) (дата обращения: 10.09.2024).

7. **Stevnsborg H.** Magt, krig og centralisering. Dansk politi 1945–2007. København: Jurist- og økonomiforbundets forlag, 2016.
8. **POLITIHISTORISK FORENING PRÆSENTERER:** Af Stephanie Dahl-Jensen. Kommunefogeder som del af politiet i Grønland. Udgivet marts 2017. 56 s. URL: kommunefogeder-som-del-af-politiet-i-groenland.pdf (politihistoriskforening.dk)

References

1. **Teplyashin P. V.** Evropejskie penitenciarnye sistemy: Monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2018, p. 178. (in Russ)
2. Le systeme peniteniare du Danemarc. Les grands systemes penitentiaire du Danemarc. Les grands systemes penitentiaire actuels. Paris, 1955, pp. 55–86.
3. **Furuhagen B.** The Police as a Municipal or State Agency. A Comparison of Police Reforms in Denmark, Norway, and Sweden during the First Half of the Twentieth Century. *Nordisk Politiforskning*, 2017, № 4 (2), pp. 121–137.
4. **Stepanov A. V., Ivanova O. A., Men'shakova N. N.** Aktual'nye napravleniya povysheniya effektivnosti deyatel'nosti penitenciarnyh sistem za rubezhom: analiticheskij obzor. Perm', Permskij in-t FSIN Rossii, 2013, 38 p.
5. **Walker S.** Taming the System. The Control of Discretion in Criminal Justice, 1950–1990. New York & Oxford, Oxford University Press, 1993.
6. **Astemirov Z. A., Kalinin Yu. V., Shupilov V. P.** Sovremennye penitenciarnye sistemy kapitalisticheskikh gosudarstv. Ryazan', 1977, p. 67.
7. **Stevnsborg H.** Magt, krig og centralisering. Dansk politi 1945–2007. København: Jurist- og økonomiforbundets forlag, 2016.
8. **POLITIHISTORISK FORENING PRÆSENTERER:** Af Stephanie Dahl-Jensen. Kommunefogeder som del af politiet i Grønland. Udgivet marts 2017. 56 p. URL: kommunefogeder-som-del-af-politiet-i-groenland.pdf (politihistoriskforening.dk)

Информация об авторе

Кошкин Андрей Сергеевич, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Information about the Author

Andrei S. Koshkin, Senior Lecturer at the Department of History and Theory of State and Law of the Faculty of Law V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 18.09.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 18.09.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Научная статья

УДК 342

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-30-40

Формирование правового статуса государственных служащих самоуправления Гренландии в 1953–2003 годах

Роман Сергеевич Хрущев

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

r79782240111@gmail.com

Аннотация

Статус государственного служащего Гренландии начал формироваться с включением острова в состав Дании на правах графства в 1953 г. Его основы заложил Закон о заработной плате, пенсиях и т.д. № 154 от 07.06.1958 в Гренландии, с внесенными в 1969 г. изменениями, которыми установлены признаки и положения государственной службы в Гренландии. Закон о государственной службе от 04.06.1971 уточнил обязанности служащих, их отстранение, дисциплинарное производство, иски о клевете, увольнения и т. п. Принятие в 1978 г. Закона о самоуправлении Гренландии привело к введению Закона об условиях заработной платы, пенсий и т. д. для государственных служащих от 25.10.1979. Приказом от 16.06.1980 г., регулирующим вопросы размещения объявлений о замещении должностей государственных служащих в Гренландии, предусматривалась необходимость консультации с правительством и муниципалитетами. 15.12.1983 г. внесены поправки в Закон о государственных служащих в Гренландии. 23.12.1988 г. принят Закон о заработной плате государственных служащих и т. д. и классификации должностей государственных гражданских служащих в Гренландии, а 18.12.2003 г. – Закон о самоуправлении Гренландии и муниципальных чиновниках.

Формирование правового статуса государственных служащих в Гренландии можно разделить на 2 этапа: 1) 1958–1978 гг., когда правовой статус Гренландии определялся в качестве одного из графств Дании, но с некоторой спецификой управления и несения государственной службы, вызванной специфическими природно-климатическими условиями; 2) 1978–2003 гг. – период становления и эволюции автономии Гренландии, важнейшей чертой которого стало появление, а также количественное и качественное развитие института служащих, подчиненных органам власти автономии, устанавливающих в их отношении нормы, разработанные на основе датского законодательства.

Ключевые слова

Гренландия, статус государственных служащих в Гренландии, самоуправление

Для цитирования

Хрущев Р. С. Формирование правового статуса государственных служащих самоуправления Гренландии в 1953–2003 гг. // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 30–40. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-30-40

© Хрущев Р. С., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 4

Formation of the Legal Status of Public Servants of the Greenland Self-Government Greenland Self-Government Civil Servants in 1953–2003

Roman S. Khrushchev

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

r79782240111@gmail.com

Abstract

The article states that the status of Greenlandic civil servants began to take shape with the incorporation of the island into Denmark as a county in 1953. Its foundations were laid by Act No. 154 of 07.06.1958 on salaries, pensions, etc. in Greenland, as amended in 1969, which established the characteristics and provisions of the Greenlandic civil service. The Public Service Act of 04.06.1971 clarified the duties of employees, suspensions, disciplinary proceedings, libel suits, dismissals, etc. The adoption of the Act on Greenland Self-Government in 1978 led to the introduction of the Act of 25.10.1979 on “conditions of salaries, pensions, etc. for civil servants”. An order of 16.06.1980 regulating the advertisement of civil servants’ posts in Greenland stipulated that the Government and municipalities must be consulted. On 15.12.1983, the Act on Public Servants in Greenland was amended. On 23.12.1988, the “Act on the Salaries of Civil Servants, etc. and the Classification of Public Civil Servants in Greenland” was adopted, and on 18.12.2003, the Act on Greenland Self-Government and Municipal Officials.

The formation of the legal status of civil servants in Greenland can be divided into 2 stages: 1) 1958–1978, when the legal status of Greenland was defined as one of the counties of Denmark, but with some specificity of administration and public service, caused by specific natural and climatic conditions; 2) 1978–2003, the period of the establishment and evolution of Greenland’s autonomy, the most important feature of which was the emergence and quantitative and qualitative development of the institution of civil servants subordinate to the autonomy authorities, which established rules for them based on Danish law.

Keywords

Greenland, status of civil servants in Greenland, self-government

For citation

Khrushchev R. C. Formation of the legal status of public servants of the Greenland Self-Government in 1953–2003. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 30–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-3-30-40

Формирование Гренландии в качестве составной части Дании [1, с. 235; 7, с. 17], согласно Конституции 1953 г. [2, с. 280–287], поставило перед правительством Копенгагена задачу создания государственной администрации в новом графстве, требующую ввиду специфических условий разработки специального законодательства [3, с. 11–27], с учетом малой численности местного населения (23 242 чел. в 1950 г.) [4, с. 4].

Первым таким актом стал Закон № 154 от 7 июня 1958 г. о заработной плате, пенсиях и т. д. в Гренландии с внесенными в 1969 г. изменениями¹. Данные акты установили основу формирования правовой базы государственной службы в регионе. Наиболее последовательным в изложении необходимых норм стал Закон о гражданских служащих Гренландии 1964 г.² В нем находим понятие государственного служащего в Гренландии: «Гражданским служащим в Гренландии является любое лицо, постоянно и пожизненно работающее на государственной службе на должности, указанной в настоящем Законе, для которой установлена фиксированная годовая сумма заработной платы».

¹ Lov nr. 154 af 7. juni 1958 om lønninger og pensioner m.v. til statens tjenestemænd som senest ændret ved lov nr. 262 af 4. juni 1969. URL: 6 - Lov om lønninger og pensioner m.v. til statens tjenestemænd.pdf (prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net) (дата обращения: 02.03.2024).

² Forslag I til Lov om statens tjenestemænd i Grønland. Fremsat den 13. marts 1964 af ministeren for Grønland. URL: 19631_L7_som_fremsat.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 02.03.2024).

Термин «гражданский служащий» не включал стажеров, а набор претендентов производился через объявления о вакансиях, но министру по делам Гренландии давалось право исключить из этого правила отдельные должности (§ 2); Закон устанавливал обязанности госслужащего (§ 3–4); период стажировки (§ 5); порядок приема и увольнения (§ 6–11); правила службы (§ 12–13); возможность отсутствия на службе в связи с исполнением воинской повинности (§ 14); особые правила для женщин (§ 15–16); дисциплинарные разбирательства, санкции и обжалование в суде (§ 17–20); права на ведение переговоров и арбитраж (§ 21–22); возрастные надбавки и требования к зарплате в особых обстоятельствах (§ 23–25); правила о сдельной оплате (§ 26); о выплате зарплаты и т. д. и авансов (§ 27–31); о жилье (§ 32); об униформе, одежде и т. д. (§ 33); о возмещении расходов на служебные помещения в специально отведенных жилых помещениях (§ 34); о гонорарах, доплатах и единоразовых вознаграждениях (§ 35–36); о гражданских и муниципальных служащих (§ 37); о доступе госслужащих к работе вне государственной службы (§ 38); о титулах и званиях (§ 39); о стандартизации служебных должностей и т. д. (§ 40–41).

Большое внимание уделялось вопросам расчета и установления пенсий, в том числе с учетом того, что на государственную службу (обучение, стажировка и т. п.) многие служащие поступали в возрасте около 40 лет (ч. 2, § 42–44 Закона). Особо следует упомянуть о многочисленных надбавках, в состав которых также входила и «...за Гренландию и языковые надбавки» (§ 44, п. 1.е), «а) надбавки за местонахождение», «(f) надбавки, конкретная цель которых не состоит в том, чтобы обеспечить должностному лицу доход, такие как надбавка за развлечения, надбавка за аренду служебных помещений, надбавка за переезд, помощь», «i) льготы в натуральной форме, бесплатное жилье и топливо или компенсация за них»; персональная пенсия (§ 46–54); пенсия для вдов и сирот (§ 55–58); прекращение выплаты пенсии вдове (§ 59–60); пособия по потере кормильца для лиц, переживших государственных служащих (§ 61–68); классы оплаты труда (§ 69–70); корректировка окладов, пенсий, пособий на время ожидания, комиссионных и гонораров (§ 71–76); надбавка за местоположение (§ 77–78); льготы для государственных служащих за пределами фиксированного оклада; пособие на переезд, вознаграждение за сверхурочные и т. д.; компенсация за неправильный учет; вознаграждение членам комиссий, советов и т. д.; разрешение на предоставление других услуг; оплата труда госслужащих в Гренландии во время службы в этой стране) (§ 79–84); положения для гражданских служащих, проживающих в Гренландии (§ 85–89); положения для гражданских служащих, не проживающих в Гренландии (§ 90–97); о стандартизации и классификации должностей госслужащих в Гренландии, в которую входили многочисленные служащие министерства Гренландии (§ 99–116); министерства внутренних дел (§ 117); министерства образования (§ 118); министерства рыболовства (§ 119).

Как видно из обзора данного акта, система государственной службы Дании в Гренландии, представляющая десятки номенклатур должностей, была строго нормирована и продумана. Сотрудники министерств и ведомств Дании контролировали и направляли всю жизнь острова и его населения, действуя на основе постоянно модернизируемой правовой основе, т. е. законов Дании.

С другой стороны, многие положения Закона также говорят о его однозначной направленности о приеме на работу в государственные органы Гренландии в основном жителей Дании, что обусловлено еще низким кадровым и образовательным потенциалом гренландцев, отсутствием должной системы подготовки местных кадров. Еще одним недостатком является чрезмерная детализация норм закона, многие из них могли быть изложены в подзаконных нормативных актах. Также очевидно, столь общий и пространственный характер норм Закона связан с тем, что под его действие попадали почти все госслужащие в Гренландии.

Политические изменения второй половины 1960-х гг. в мире и Дании, политика в отношении Гренландии привели к ослаблению позиций министерства Гренландии, что изменило

подходы к организации госслужбы на острове, в том числе на основе Закона от 16.04.1971 г.³, потребовало принятия нового Закона от 4.06.1971⁴. В соответствии с этим Законом право назначения должностных лиц закреплялось «либо за королем, либо за соответствующим министром» с правом последнего полностью или частично делегировать данные полномочия иным лицам (§ 3). Новшеством стало и установление общих критериев в отношении возраста, здоровья, образования, указание о возможности замещения должностей женщинами (§ 4). В то же время за министром Гренландии закреплено право установления подробных правил и процедур приема на работу (§ 5, п. 6; § 6, п. 3).

Законом 1971 г. также уточнены некоторые обязанности государственных служащих (гл. 3), отстранение их от должности, дисциплинарное производство и иски о клевете (гл. 4), увольнения (гл. 5); установлены «специальные положения» о работниках на испытательном сроке (гл. 6) и о системе школьного образования Гренландии (гл. 8); «особые положения» о судьях в Высоком суде Гренландии (гл. 7) и о церковных гражданских служащих (гл. 9). Также новые формулировки получили вопросы по заработной плате (гл. 11), арбитража и передачи дела в суд (гл. 12), персональных надбавок (гл. 13), авансов по зарплате (гл. 14), внеочередного отпуска и т. п. (гл. 15).

Формирование правительства самоуправления, сфер его ответственности, административного и государственного аппарата в Гренландии началось после принятия 29 ноября 1978 г. № 577 Закона о самоуправлении Гренландии, на основе которого начался процесс становления законодательной и исполнительной власти самоуправления [5].

Действие Закона об условиях заработной платы, пенсий и т. д. для государственных служащих, работающих в рамках самоуправления Гренландии от 25.10.1979 распространялось на: а) на служащих, которые переводились на 1.01.1980 или позже с работы в рамках государства на работу в рамках самоуправления Гренландии; б) должностных лиц, работающие иным образом в соответствии с самоуправлением Гренландии (§ 1).

Должностные лица самоуправления в Гренландии нанимались по правилам, применимым к государственным должностным лицам в любое время, включая условия найма и пенсионного обеспечения (§ 2, п. 1). Устанавливалось, что самоуправление осуществляет полномочия, которые возложены на соответствующего министра (§ 2, п. 2). Количество должностей госслужащих определялось правительством Гренландии (§ 3). Соглашения об условиях найма, включая классификацию должностей по этому Закону, следовало всегда заключать согласно соответствующим нормативным актам (§ 4).

Государственным служащим, на которых распространялось действие § 1а, пенсии начисляло и выплачивало непосредственно государство (§ 5, п. 1). Для госслужащих, на которых распространялось страхование § 1б, правительство самоуправления получило право заключить соглашение с государством, в соответствии с которым оно рассчитывало и выплачивало пенсию (§ 5, п. 2).

Для покрытия пенсионных расходов государственных служащих, указанных в п. 1 и 2, самоуправление уплачивало в государственную казну постоянный пенсионный взнос, который определялся по соглашению с государством в % от пенсионного оклада служащего. Процент определялся соглашением между самоуправлением и государством (§ 5, п. 3).

Если на должностное лицо распространялось действие § 5.1 (по причинам, отличным от возраста или непригодности к службе по состоянию здоровья), такой служащий приобретал

³ Forslag til Lov om kongelig udnævnrlse og åremålsansættelse af vise tjenestemænd. URL: 19701_L104_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Forslag til Lov om statens tjenestemænd i Grønland. (Vedtaget af folkettinget ved 3. behandling den 4. juni 1971 // Tillæg S. 71; Folketingsåret 1970–71. S. 1121–1138. URL: 19701_L49_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 06.04.2024).

право на самопенсию, правительство Дании выплачивало сумму, равную дополнительным расходам государства в результате предлагаемой пенсии (§ 5, п. 4).

До внесения предложений по поправкам в Закон, правительства Дании и Гренландии должны были вступить в переговоры с государством для сохранения единой системы госслужбы (§ 6, п. 1). При отсутствии такого соглашения спор передавался на рассмотрение третейского суда, в который каждая из сторон избирала по 3 члена. Региональный судья Высокого суда Гренландии назначался председателем арбитража (§ 6, п. 2).

С введением данного Закона отменялся Указ Национального совета от 24.10.1974 г. об условиях заработной платы и пенсионного обеспечения служащих этого совета⁵. Приказом от 16.06.1980 г., регулирующим вопросы размещения объявлений о замещении должностей госслужащих в Гренландии, предусматривалась необходимость консультации по этим вопросам с правительством Гренландии и местными муниципалитетами⁶.

Проведенные реформы существенно увеличили этнический состав гренландцев на государственной службе, в том числе в Гренландской королевской торговле [6, с. 63].

Следующим шагом стало внесение поправок в Закон о госслужащих в Гренландии от 15.12.1983 г.⁷ Данным Законом (Законодательный декрет № 107 от 4.03.1976 г., в редакции Закона № 509 от 18.12.1979 г.) отменялись § 10, пп. 3, 4 и 5 § 1, п. 1. В то же время § 15, пп. 2 и 3 получили новую редакцию: «П. 2. Положения об оборудовании, содержании и использовании служебных помещений, о заселении и выезде и т. п. такого жилья определяется министром Гренландии после получения заключения совета по заработной плате. Взнос госслужащего за пользование служебным местом жительства определяется соглашением в соответствии со ст. 41, ср. раздел 43» (§ 1, п. 2).

П. 3 установлено, что для госслужащих, не имеющих постоянного места жительства в Гренландии, в соответствии с разделом 10 должно быть закреплено место жительства, которое должностное лицо имеет право занимать на время занятия должности, и обязано освободить его после этого. За это жилье арендная плата выплачивалась в соответствии с действующими правилами оплаты арендной платы в государственных объектах недвижимости и т. д. в Гренландии.

Закон вступал в силу 1.04.1984 г. и вместе с тем отменялись: 1) § 171, п. 2, 2-е предложение Закона № 5 от 7.06.1958 г. (Lovtidende B) о стандартизации и классификации должностей государственных служащих и 2) § 128 Закона о государственных служащих в Гренландии (ср. Законодательный декрет № 438 от 15.08.1969 г.⁸, § 2, п. 2).

С получением расширенного самоуправления в 1978 г. [5], развития института гренландских государственных служащих возникла потребность коррекции действовавших в области их труда норм. С этой целью 23.12.1988 г. принят Закон о заработной плате государственных служащих и т. д. и классификации должностей государственных гражданских служащих в Гренландии от 23 декабря 1988 г. (Закон о зарплате и классификации). Им подтверждалось продолжение действия отдельных норм и корректировались или заменялись те, которые более не могли быть использованы в прежнем виде. Многие положения данного акта были заменены

⁵ Landstingslov nr. 9 af 25. oktober 1979 om løn- og pensionsforhold m.v. for tjenestemænd ansat under Grønlands Selvstyre. URL: [lgl_nr_09-1979_дк \(nalunaarutit-gl.translate.google\)](https://lgl.nalunaarutit-gl.translate.google.com/translate/lgl_nr_09-1979_дк) (дата обращения: 06.04.2024).

⁶ Bekendtgørelse om opslag af tjenestemandstillinger i Grønland // nalunaerutit – Grønlandske Lovsamling. Serie C – I. 16. juni 1980 (Bek.nr.315). Afsnit 1, Gruppe 2, Lb. nr. 23. URL: [bekendtgørelse-om-opslag-af-tjenestemandstillinger-i-groenland-1980.pdf \(medst.dk\)](https://medst.dk/bekendtgørelse-om-opslag-af-tjenestemandstillinger-i-groenland-1980.pdf) (дата обращения: 06.04.2024).

⁷ Til lovforslag nr. L 109. Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 15. december 1983*). URL: [19831_L109_som_vedtaget.pdf \(folketingstidende.dk\)](https://folketingstidende.dk/19831_L109_som_vedtaget.pdf) (дата обращения: 06.04.2024).

⁸ Lov nr. 5 (Lovtidende B) af 7. juni 1958 om normering og klassificering af statstjenestemandstillinger som senest ændret ved lov nr. 6 (Lovtidende B) af 29. marts 1969. URL: [7 - Lov om normering og klassificering af statstjenestemandstillinger.pdf \(prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net\)](https://prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net/prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net/7-Lov-om-normering-og-klassificering-af-statstjenestemandstillinger.pdf) (дата обращения: 06.04.2024).

различными соглашениями (§ 2, 5, 10-16, 17, 18, 19, 20, 21, 22-30). В целом же Закон затрагивал вопросы места работы, корректировку кредитов с течением времени, ориентировочные надбавки и специальные надбавки к отпуску, стандартизацию и классификацию должностей, положения об отдельных группах гражданских служащих и т. п.

Особо следует указать закрепление за государственным министром возможности установления правил отдельных надбавок, аналогичные права соответствующих министров или уполномоченных им лиц, но после переговоров с государственным министром (§ 3, п. 2). Также следует указать на предписание использовать показатель корректировочных цен Гренландии при расчете заработных плат госслужащих (§ 7, п. 2.1; § 8).

Однако только изменениями и дополнениями в действовавшие нормативные акты в новых условиях уже нельзя было обойтись. Остро ощущалась потребность выработки нового, вполне самостоятельного Закона о госслужбе. Им стал Закон № 5 от 14.05.1990 г. Данный акт можно назвать консолидированным, с применением при его разработке законотворческого опыта как Дании, так и иных стран, с учетом гренландской специфики госслужбы.

Закон распространялся на всех должностных лиц, находящихся на службе самоуправления или муниципалитетов Гренландии и лиц, нанятых согласно п. 3 ст. 35 (трудоустройство от имени других лиц на условиях неполного рабочего времени) (§ 1).

В нем предусмотрена стандартизация и классификация должностей государственных и муниципальных служащих, установлены ее правовые основания (§ 2); возможные формы их занятости (§ 3), порядок назначения (§ 4), требование (условия по возрасту, состоянию здоровья, образования), порядок приема на работу (объявление, конкурс, испытательный срок, аттестация и иные условия) (§ 5–10) и оформления (§ 11); детально изложены обязанности должностного лица. Так, Закон неоднозначно указывал в качестве территории его деятельности именно Гренландию, обязывал проживать в выделенном служебном помещении (порядок их оборудования установлен особо) (§ 12–16), иные права работодателя (§ 17), возможности и условия службы (§ 18–19), отстранения и дисциплинарного производства (§ 20–26), меры дисциплинарного взыскания (§ 27); право государственных органов при дисциплинарных расследованиях назначать их руководителя, руководителя слушания, представляющего организацию лица (§ 21); негласность официальных разбирательств (§ 24).

Увольнение должностных лиц возлагалось на их работодателей (правительство и муниципальные органы). Служащие увольнялись с уведомлением – за 3 месяца (за исключением случаев невозможности исполнения служебных обстоятельств, могущих повлечь уголовно-правовые меры, проступка) (§ 30); по достижении 65 лет или в некоторых случаях – старше 60 лет (§ 31). При увольнении должностного лица (за исключением ухода на пенсию) ему и его работодателю предоставлялась возможность сделать необходимые заявления (объявления) (§ 32, п. 1–2).

Если увольнение было связано с упразднением штатной должности, которую служащий занимал 15 лет, а также с невозможностью предоставления увольняемому равнозначной должности, за ним сохранялся оклад в размере 3-х предыдущих лет и право на служебное жилье (§ 33, п. 1).

Особо установлены положения для служащих, находящихся на испытательном сроке (§ 34), положения о временной занятости, по совместительству, в том числе порядок перевода, увольнения, пенсии (§ 35–39).

Специальные положения о муниципальных служащих установлены в § 43 (в случае перевода на иное место работы) и о начальной школе (проведение дознания в связи с привлечением к дисциплинарной ответственности) в § 44.

Часть 2 Закона посвящена регламентации вопросов заработной платы и условий труда госслужащих (§ 49–61). В ней изложены нормы, регулирующие переговоры и организационные условия, т. е. право определения условий труда, зарплаты, условия трудоустройства, пенсионного обеспечения и т. п. В этом вопросе сторонами выступают Ландстирет (правительство), на-

циональная ассоциация муниципалитетов Гренландии, Кредитный совет и иные организации (Центральные), «имеющие местонахождение в Гренландии и с которыми Ландстирет после получения заключения правительства Гренландии заключает соглашение...». Закон также требовал предоставления со стороны указанных органов доступа всем госслужащим, в том числе находящимся в отставке и на пенсии к представительству. Самим же Центральным организациям – право доступа к обсуждению вопросов, относящихся к их членам (§ 53, п. 1–3).

Особая роль Законом отведена кредитному совету в составе председателя и его заместителя, 2-х членов, представляющих администрацию правительства и национальную ассоциацию муниципалитетов Гренландии, 4 представителей центральных организаций, 5 членов Ландстинга и т. д. (§ 54, п. 1–3). Решения кредитного совета принимались простым большинством голосов (§ 54, п. 4).

Порядок назначения пенсий установлен § 56, а персональные надбавки – § 57; льготные вопросы выдачи кредита и его погашения госслужащими – § 58–59; право и условия на внеочередной отпуск, в том числе на дополнительное обучение – §61–62⁹.

На протяжении последующих лет в данный Закон вносились изменения с целью его адаптации к новому законодательству. С принятием Закона о Ландстинге и Ландстирете в 1998 г. появились нормы о государственных служащих, работающих в этих учреждениях. В результате одновременной поправки к законодательству они были исключены из действия Закона о Ландстинге № 5 от 14 мая 1990 г. С принятием Закона о бюджете в 2000 г.¹⁰ внесены изменения в положения о стандартизации должностей государственных служащих, которые привели к тому, что пользователям Закона необходимо искать информацию о правовом положении органов самоуправления Гренландии и муниципальных чиновников в различных законах.

Кроме того, за 12 лет действия Закона сложилась практика, которая, с точки зрения законодателя, обуславливала необходимость отобразить ее в законе. Также при использовании Закона выяснилось, что некоторые положения, особенно в гл. 5, недостаточно ясны. Поэтому формулировка, в частности данной главы, была изменена без намерения изменить ее содержание. Однако в некоторых случаях изменения оказались невозможными, так как отдельные выражения настолько прочно укоренились в системе государственной службы, что их не удалось адаптировать к развитию языка.

Цель нового Закона, вынесенного на обсуждение парламента Гренландии в 2003 г., состояла в том, чтобы его формулировки были более понятными, как в тексте, так и в комментариях, более удобными для чтения и адаптированными к сложившейся практике. Часть сугубо существенных изменений в Законе обоснована необходимостью упрощения и регистрации практики. В нормативных актах, где это было возможно, написано, что это орган занятости, т. е. либо отдельный муниципалитет, либо правительство Гренландии, которое принимает решение в каждом отдельном случае.

Помимо того, что часть текста гл. 5, касающаяся отстранения от должности и дисциплинарного производства, была переписана для облегчения понимания, изменен порядок передачи дел национальному судье в Гренландии.

Закон Ландстинга № 5 от 14.05.1990 г. предполагал, что для работы в качестве госслужащего в рамках самоуправления или в гренландском муниципалитете необходимо иметь гражданство Дании (§ 27 Закона о Ландстинге). В Законе о госслужбе Дании и в Законе о госслужащих Гренландии введено положение, которое дало возможность предлагать работу лицам, не имеющим датского гражданства, на условиях, которые предоставляли те же пенсионные

⁹ Landstingslov nr. 5 af 14. maj 1990 om Gronlands Hjemmestyres og kommunernes tjenestemænd i Gronland. URL: [lgl_nr_05-1990_dk \(nalunaarutit-gl.translate.google\)](https://lgl.nalunaarutit.gl/translate/?url=https://lgl.nalunaarutit.gl/landstingslov/5-af-14-maj-1990-om-gronlands-hjemmestyres-og-kommunernes-tjenestemænd-i-gronland) (дата обращения: 06.04.2024).

¹⁰ Landstingslov om ændring af Landstingslov om Grønlands Hjemmestyres budget. № 1 23. maj 2000. URL: [lgl 01 2000 \(nalunaarutit.gl\)](https://lgl.nalunaarutit.gl/landstingslov/1-23-maj-2000-om-ændring-af-landstingslov-om-grønlands-hjemmestyres-budget) (дата обращения: 06.04.2024).

права, что и гражданским служащим. Предыдущая редакция Закона и его практика не давала однозначного ответа на данный вопрос.

Произошло упрощение и модернизация положений о публикации сведений о претендентах на должности госслужащих в § 7, смягчение положений о заявлениях от предыдущих работодателей в связи с заявлением госслужащего о переводе на другую должность в § 10; отменено специальное положение в связи с § 10 о должностных лицах церкви в применимом Законе, § 45.

Этим Законом отменялся § 40 применимого Закона, который определял, что госслужащие могут быть уволены без апелляции, только если увольнение было обосновано состоянием здоровья либо если продолжение занятия должности было невозможно вследствие обстоятельств, которые могли повлечь применение уголовно-правовой меры, проступок или должностное преступление. Уволить постоянно работающего госслужащего по собственному усмотрению было вообще невозможно, например, из-за трудностей сотрудничества или других обстоятельств, не предполагающих неправомерного поведения. Соответствующее положение Закона о госслужбе Дании и Закона о государственных гражданских служащих в Гренландии было отменено.

В результате отмены этого раздела на временных работников были распространены те же правила увольнения, что и на иных сотрудников.

Особо следует сказать об увольнении. Администрация имела общее право увольнять своих сотрудников независимо от их желания, что также называется дискреционным увольнением. В данном Законе право уволить должностное лицо по собственному желанию закреплено в п. 1 § 30. Эта норма основана на традиции дискреционного права на увольнение в законодательстве о госслужбе. В Законе о госслужбе нет более подробных положений о причинах увольнения. Отстранения от должности административного органа регулируются общими принципами административного права по выбору административных полномочий, включая требование соразмерности и требование о том, что администрация должна принимать во внимание исключительно фактические соображения.

К числу наиболее важных ограничений решения об увольнении относятся принцип равенства, принцип пропорциональности, «обоснованность согласно правилу» и то, что незаконные соображения не должны включаться в разумные соображения и т. п.

Для решения об увольнении требуется, чтобы оно было принято в рамках закона на основе взвешивания широкого круга юридических соображений, и администрация обязана включить все соответствующие соображения в разумное взвешивание. Это положение также распространяется на госслужащих, работающих на условиях неполного рабочего времени, что следует из приостановления действия § 40 применимого Закона. После приостановки действия данного положения общие правила увольнения также применяются к госслужащим, работающим на постоянной основе.

Дисциплинарными взысканиями, которые могли быть применены в качестве наказания за проступки, являлись: предупреждение; выговор; штраф, не превышающий месячного заработка; перевод на другую работу или место работы, на другую должность; понижение в должности или увольнение (§ 27, п. 1).

Закон содержит полномочия отстранения должностного лица от должности или временного перевода на другую работу. Условием наложения дисциплинарного взыскания на должностное лицо является его виновность в проступке (§ 27).

Одна из целей нового Закона состояла в том, чтобы он стал более управляемым, простым для чтения и модернизированным в определенных областях, т. е. облегчить его административное применение.

Параллельно с работой над законопроектом началось обновление постановлений, основанных на законе. С момента принятия предыдущего Закона новых постановлений не разрабатывалось, а большинство действующих были составлены государством до принятия Закона

1979 г. Кроме того, некоторые нормы Закона Ландстирету разрешили издавать постановления для выполнения положений Закона, но только там, где такие постановления еще не были введены.

Первый проект Парламентского закона о самоуправлении и муниципалитетах Гренландии был представлен всем заинтересованным организациям. Поскольку законодательное предложение, помимо поправки к § 7, п. 3 не изменено по отношению к первоначально поданному предложению, повторного рассмотрения не было. Большинство заинтересованных ведомств не выдвинуло возражений. Правительство также было за отмену данного положения, как и ликвидации норм о беззалоговом кредите¹¹.

Безусловно, что были и иные предложения от заинтересованных ведомств и организаций (РПК; управление культуры, образования, исследований и церкви; Pinniartitsisut Meeqqat Atuarfianneersut Kattuffiat (ИМАК); правительства Гренландии; экономического управления и КАНУКОКА; министерства финансов; датского кадрового агентства; адвокатского бюро; административного управления). Однако Закон был принят в основном в том виде, в котором был представлен¹² и вступил в силу 01.01.2004 г., соответственно Закон № 5 от 14.05.1990 г. был отменен.

Особо следует отметить эволюцию вовлечения гренландского населения в состав местной и государственной администрации, которая, как указывает В. Е. Возгрин, существенно усилилась с 1980 г. [7, с. 63].

Таким образом, в период 1964–2003 гг. создана нормативная база, определяющая правовой статус государственных и муниципальных служащих Гренландии. Ее основу заложили законы 1964, 1979 и 2003 гг., акты, устанавливающие полномочия и регулирующие деятельность парламента и правительства самоуправления, подзаконные нормативные акты, принятые в их развитие.

Указанная нормативная база была весьма современной для своего времени, базировалась на соответствующем правотворческом и правоприменительном опыте Дании, приспособлена к местным условиям.

Также следует указать на принятие в 1982 г. Закона о пенсиях гражданских служащих Гренландии (№ 603 от 25.11.1982 г.) в качестве важной составляющей формирования правовой базы института государственных служащих. Данный акт предоставлял возможность получения персональной пенсии уже после 10 полных лет нахождения на службе, в случае увольнения по нетрудоспособности, достижения пенсионного возраста, состояния здоровья и иным важным, независимым от служащего причинам (§ 1, п. 1).

Закон также регулировал отдельные вопросы пенсионного обеспечения при переводе (переходе) на работу в ЕС (§ 3, п. 7), а в случае работы в качестве гражданского служащего в рамках ЕС лицу позволялось вместо отложенной пенсии из Казначейства ЕС перевести выходное пособие в соответствии с § 21 или сумму перевода, определенную министром финансов после получения заключения Совета по заработной плате (§ 22).

Можно также указать на предоставленные министру финансов права: а) принимать решение с согласия Совета по зарплате, о сохранении более высокого для пенсии дохода для гражданских служащих при их переходе на должность с менее низким зачитываемым для пенсии доходом (§4, п. 2); б) по консультации с тем же Советом увеличить основу заработной платы для отдельных гражданских служащих (§ 4, п. 3); в) принять решение о том, что п. 1 может применяться, если отставка происходит сразу после достижения 60-летнего возраста (§ 6, п. 3).

¹¹ Almindelige bemærkninger. URL: [lgl_nr_21-2003_bemaerk_dk \(nalunaarutit-gl.translate.goog\)](https://lgl.nalunaarutit-gl.translate.goog) (дата обращения: 06.04.2024).

¹² Landstingslov nr. 21 af 18. december 2003 om Grønlands Hjemmestyres og kommunernes tjenestemænd i Grønland. URL: [lgl_nr_21-2003_dk \(nalunaarutit-gl.translate.goog\)](https://lgl.nalunaarutit-gl.translate.goog) (дата обращения: 06.04.2024).

В Законе сохранены нормы, регулирующие возможность отсроченной пенсии (при уходе с государственной гражданской службы не ранее чем за 3 года до 60-летия); право на пенсию со стороны несовершеннолетних детей и переживших супругов (§ 20–22), пособия на ожидания (должности), надбавка к стоимости жизни, назначение пенсии при наступлении нетрудоспособности.

Следует также подчеркнуть сохранение за лицами, находящимися длительный период на службе, отдельных прав, которые им предоставлял Закон при их зачислении на гражданскую службу.

Так, к примеру, п. 2 § 21 устанавливал, что «должностное лицо, увольняющееся с должности, не имея права на пенсию в соответствии с разделом 1, может, в случае работы до 1 июля 1969 г., выбрать выплату пенсионных взносов в соответствии с положениями статьи 43(3) Закона о государственных гражданских служащих в Гренландии 1964 г. вместо сохранения права на отсроченную пенсию или выходное пособие, если таковое имеется, или на сумму перевода в соответствии с § 22». Таким образом, не только сохранялись права гражданских служащих Гренландии, но и подчеркивалась правопреемственность самоуправления по отношению к государственным структурам, действовавшим в Гренландии до 1978 г.¹³

Таким образом, формирование правового статуса государственных служащих в Гренландии условно можно разделить на 2 этапа: 1) период 1958–1978 гг., когда правовой статус Гренландии определялся в качестве одного из графств Дании, но с некоторой спецификой управления и несения государственной службы, вызванной специфическими природно-климатическими условиями; 2) 1978–2003 гг. – период становления и эволюции автономии Гренландии (по закону 1978 г.), важнейшей чертой которого стало появление, а также количественное и качественное развитие института служащих, подчиненных непосредственно органам власти автономии, устанавливающих в их отношении собственные нормы, разработанные на основе датского законодательства.

Список литературы

1. История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.
2. **Исаев М. А.** Основы конституционного права Дании. М.: Муравей, 2002. С. 280–287.
3. **Jakob Janusse.** Grønlands vej til større selvbestemmelsesret: Muligheder og begrænsninger i juridiske, administrative og andre perspektiver. Politiknummer 1 | Årgang 22 | 2019. S. 11–27.
4. **Игнатъев Г. М.** Гренландия. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1956. 240 с.
5. **Jan Sundberg & Maria Ackrén.** Unitary states following federal principles: Faroe Islands, Greenland, and Åland Islands compared. URL: unitarystates.pdf (uniset.ca) (дата обращения: 6.04.2024).
6. DGL 2008.14: DET GRØNLANDSKE HJEMMESTYRES GRUND OG GRÆNSER. Af dommer Frederik Harhoff, FN's Internationale Krigsforbryderdomstol For Det Tidligere Jugoslavien. URL: DGL@mobi (дата обращения: 6.04.2024).
7. **Возгрин В. Е.** Гренландия и Гренландцы. М.: Мысль, 1984. С. 63–71.
8. Гренландия: Сб. стй. / Сокращенный пер. с дат. В. И. Михайлова и Р. Р. Оберга; Ред. и вступ. Ст. Н. А. Агранат. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1953. С. 17.

References

1. Istorija Danii. XX vek. Moscow, Nauka publ., 1998, 379 p. (in Russ.)
2. **Isaev M. A.** Osnovy konstitucionnogo prava Danii. Moscow, Muravej publ., 2002, pp. 280–287. (in Russ.)

¹³ Til lovforslag nr. L 94. Vedtaget af Folketinget ved 3. behandling den 17. december 1987*) Forslag til Lov om ændring af lov om pension til statens tjenestemænd m.v. i Grønland. URL: 19871_L94_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 06.04.2024).

3. **Janusse J.** Grønlands vej til større selvbestemmelsesret: Muligheder og begrænsninger i juridiske, administrative og andre perspektiver. *PolitikNummer 1* | Årgang 22 | 2019. S. 11–27.
4. **Ignat'ev G. M.** Grenlandiya. Moscow, 1956. 240 p. (in Russ.)
5. **Sundberg J., Ackrén M.** Unitary states following federal principles: Faroe Islands, Greenland, and Åland Islands compared. URL: unitarystates.pdf (uniset.ca) (accessed date: 06.04.2024).
6. DGL 2008.14: DET GRØNLANDSKE HJEMMESTYRES GRUND OG GRÆNSER. Af dommer Frederik Harhoff, FN's Internationale Krigsforbryderdomstol For Det Tidligere Jugoslavien. URL: DGL@mobi (data obrashcheniya: 6.04.2024).
7. **Vozgrin V. E.** Grenlandiya i Grenlandcy. Moscow, Mysl' publ., 1984, pp. 63–71. (in Russ.)
8. Grenlandiya: Sb. stj. / Transl. from dat. V. I. Mihajlova and R. R. Oberga; N. A. Agranat (Ed.). Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1953, p. 17. (in Russ.)

Информация об авторе

Хрущев Роман Сергеевич, аспирант кафедры истории и теории государства и права Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Information about the Author

Roman S. Khrushchev, Postgraduate Student of the Department of History and Theory of State and Law of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Научная статья

УДК 343.713

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-41-49

Актуальные вопросы теории и практики квалификации кражи

Роман Николаевич Боровских¹

Сергей Николаевич Сабанин²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия

¹mail@rborovskih.ru

²sabanin-sn@ranepa.ru

Аннотация

Рассматриваются актуальные теоретические и практические вопросы, возникающие при квалификации кражи. Приводится анализ проблем квалификации, связанных с характеристикой юридической ответственности и разграничения кражи с преступлениями, имеющими идентичные признаки. Излагается ряд аргументов, подтверждающих необходимость более четкого разграничения кражи с гражданско-правовыми, административно-правовыми, налоговыми и иными правонарушениями. Выдвигаются предложения по устранению противоречий в судебной практике при оценке и разграничении преступлений, связанных с тайным хищением чужого имущества.

Ключевые слова

кража, находка, мелкое хищение, малозначительное деяние, значительный ущерб, самоуправство

Для цитирования

Боровских Р. Н., Сабанин С. Н. Актуальные вопросы теории и практики квалификации кражи // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 41–49. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-41-49

Current Theoretical and Practical Issues of Theft Qualification

Roman N. Borovskikh¹

Sergey N. Sabanin²

¹Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Yekaterinburg, Russian Federation

¹mail@rborovskih.ru

²sabanin-sn@ranepa.ru

Abstract

The article examines current theoretical and practical issues arising in the qualification of theft. The authors conducted and presented an analysis of the problems of qualification related to the characteristics of legal liability and the distinction between theft and crimes that have identical characteristics. The work presents a number of arguments confirming the need for a clearer distinction between theft and civil, administrative, tax and other offenses. Proposals are put for-

ward to eliminate contradictions in judicial practice in assessing and distinguishing crimes related to the secret theft of someone else's property

Keywords

Theft, discovery, petty theft, insignificant act, significant damage, arbitrariness

For citation

Borovskikh R. N., Sabanin S. N. Current theoretical and practical issues of theft qualification. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 41–49. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-41-49

Юридическая оценка преступлений, посягающих на интересы собственности, является важным и актуальным видом деятельности правоохранительных органов во все времена. В первую очередь это связано с количеством совершаемых преступлений в России. Если обратить внимание на данные, отраженные в таблице, то четко прослеживаются следующие характеристики: каждый четвертый осужденный преступник за последние 8 лет привлечен к уголовной ответственности за кражу; к 2018 г. просматривалось небольшое ежегодное снижение, однако последующие 5 лет фиксируют постоянный небольшой прирост обозначенных преступлений; количество наиболее квалифицированных краж продолжает увеличиваться. Соответствующие данные приводятся исследователями в разрезе уголовно-наказуемого мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ) [1].

Приведенные в таблице статистические данные подтверждают эффективность работы по противодействию кражам, что внешне указывает на отсутствие трудностей при их квалификации.

Статистические данные о количестве осужденных по ст. 158 УК РФ,
с 2016 по 2023 г.

Statistical data on the number of people convicted under art. 158 of the Criminal Code
of the Russian Federation, from 2016 to 2023

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Итого в % от общего количества осужденных	26,85	25,14	25,02	25,16	25,2	26,28	27,32	26,49
Ч. 1 ст. 158 УК РФ	55820	44159	41902	37107	34396	35901	40402	39544
Ч. 2 ст. 158 УК РФ	105880	96183	88996	73968	61734	60985	62028	52749
Ч. 3 ст. 158 УК РФ	35608	33448	32417	37901	36663	50624	54399	53536
Ч. 4 ст. 158 УК РФ	1519	1519	1424	1519	1004	1081	1325	1396

Вместе с тем проведенный анализ судебной практики позволил определить ряд вопросов, которые наиболее часто вызывают трудности и вопросы у правоприменителей при установлении обязательных признаков состава преступления и разграничения с иными общественными отношениями. Перечень выявленных и обозначенных проблем в научной работе, по нашему мнению, сейчас являются наиболее дискуссионными, но не ограничивают дискуссию научного сообщества по вопросам квалификации наиболее распространенного преступления против собственности – кражи.

Выявленные проблемы предлагаем разделить на две группы: проблемы квалификации, связанные с характеристикой юридической ответственности, и проблемы квалификации кражи с иными преступлениями.

Первая группа охватывает вопросы, связанные с разграничением кражи, с гражданскими, административными и иными правонарушениями.

Первая проблема связана с разграничением уголовно-правовых и гражданских общественных отношений в сфере прав на имущество. В соответствии со ст. 228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулируются отношения права собственности на находку, из положений которой следует, что лицо, нашедшее вещь, при условии выполнения действий, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, может приобрести право собственности на нее.

Показательно в данном вопросе знаковое постановление Конституционного Суда РФ в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова.

Галимьянова была привлечена к уголовной ответственности за то, что, находясь в салоне автобуса, стала свидетелем утраты имущества пассажиром – сотового телефона, который присвоила. При этом установлено, что с точки зрения субъективной стороны преступления виновная понимала, предвидела что ее действия являются общественно опасными, так как собственнику имущества – владельцу вещи будет причинен ущерб, но, несмотря на возможность возврата собственнице имущества или наличия возможности сообщить водителю автобуса или кондуктору о находке или обращения в правоохранительные органы, пожелала оставить вещь себе. Поэтому виновная, удостоверившись, что никто не видит ее действий, завладела телефоном и скрылась, причинив материальный ущерб собственнице в размере стоимости телефона. При этом, согласно данным показаниям, она не стала отвечать на поступающие на телефон звонки, отключила его, а находящиеся в нем сим-карты выбросила, после чего около месяца хранила его дома, в дальнейшем выполнив сброс настроек телефона. Приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 г. Галимьянова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 158 УК РФ, а именно в тайном хищении чужого имущества, причинившем значительный ущерб в сумме 12 000 руб., ей назначено наказание в виде шести месяцев лишения свободы, которое постановлено считать условным с испытательным сроком один год¹.

При схожих обстоятельствах был осужден Пузряков.

Осужденные Галимьянова и Пузряков, не согласившись с принятыми решениями, обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой о проверке конституционности статьи 227 ГК РФ, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации².

В принятом постановлении Конституционный Суд РФ отверг доводы стороны защиты об отсутствии признаков состава преступления кражи, не согласившись с тем, что в деяниях Галимьяновой и Пузрякова присутствовало лишь нарушение правил возврата находки, установленных Гражданским кодексом РФ, которое не влечет юридической ответственности, кроме лишения права требовать вознаграждения за находку от лица, управомоченного ее получить. Особое внимание Конституционный Суд РФ обратил на содержание понятийного аппарата, различив забытую вещь, как предмет преступления, и потерянную вещь: «...потерянной является вещь, находящаяся в неизвестном собственнику или иному законному владельцу месте, а забытой – находящаяся в месте, известном такому лицу, которое имеет возможность за ней вернуться или иным способом получить ее обратно». На этом основании был сделан вывод, что присвоение найденной вещи лицом, сознающим право на нее владельца, связано с признаком нечестности и потому является кражей.

¹ Учалинский районный суд Республики Башкортостан. Приговор № 1-300/2020. URL: https://uchalinsky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=78467136&case_uid=fa468583-94e0-4462-826b-413d76266cff&delo_id=1540006 (дата обращения: 06.10.2024).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.10.2024).

Раскрывая содержание нормы ст. 227, ГК РФ отмечает, что сам факт находки не образует преступления, однако имеют значение последующие действия лица, совершившего находку:

- уведомление лица, потерявшего вещь, или другого иного субъекта, имеющего право ее получить;
- при находке не в общественном месте, например, в транспорте, как в приведенном примере, передать водителю или владельцу транспорта;
- передать в правоохранительные органы;
- передать в органы местного самоуправления.

В случае совершения одного из перечисленных действий квалификация по ст. 158 УК РФ исключена. Однако если субъект преступления совершает:

- сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, отключения с целью исключения пеленга и т. д.);
- сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество;
- сокрытие данных, указывающих на принадлежность законного владельца (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т. д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о внезапно возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели.

По мнению Конституционного Суда РФ, происходит перерастание общественно безопасного деяния – находки – в преступное деяние, связанное с посягательством на охраняемые общественные отношения в сфере собственности. В результате данные действия носят сложный характер, направленный на неосновательное обогащение в результате недобросовестных действий с обнаруженной чужой вещью, указывает на корыстную цель, а также на причинение владельцу ущерба, и должны рассматриваться в судебном порядке с точки зрения виновного корыстного деяния, предусматривая уголовную ответственность.

Конституционный Суд РФ справедливо отмечает, что с точки зрения характеристики прямого умысла лицо, совершившее находку, и у которого появился умысел на совершения преступления, осознает, что законный владелец вещи имеет возможность за ней вернуться или получить ее в определенном месте, предвидело последствия несовершения необходимых действий (не предприняло доступных ему мер найти законного владельца вещи, не сдало ее в установленном законом порядке, не обратилось в правоохранительные органы или в органы местного самоуправления с заявлением о находке), и с точки зрения волевого критерия желало скрыть вещь для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу других лиц, т. е. совершило тайное хищение – кражу.

Вторая актуальная проблема в настоящее время связана с разграничением кражи (ст. 158 УК РФ) и мелкого хищения, ответственность за которое предусмотрена ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Не потеряла актуальности данная проблема, несмотря на то, что в обозначенные нормы законов были внесены разграничивающие изменения, и, по мнению законодателя, данная проблема была решена.

В первую очередь необходимо отметить, что размер уголовно-правового хищения неоднократно менялся в связи с изменением экономической ситуации. Так, в рамках обзора Прокуратуры Брянской области отмечается, что: «Размер ущерба, причиненный хищением, наличие которого обуславливает наступление уголовной ответственности, неоднократно изменялся. С 1 июля по 5 ноября 2002 года был пять минимальных размеров оплаты труда, затем составлял один минимальный размер оплаты труда. С 8 июля 2007 года по 31 мая 2008 года он равнялся 100 руб., с 2008 года по 2018 год – 1000 руб.»³. В соответствии с диспозицией ч. 1 и 2 ст. 7.27

³ От чего зависит привлечение к уголовной или административной ответственности за хищение чужого имущества? URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/activity/legal-education/explain?item=22942167 (дата обращения: 06.10.2024).

КоАП РФ, в настоящий момент хищение чужого имущества признается мелким, если стоимость похищенного не превышает одну тысячу рублей, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 158; ч. 2, 3 и 4 ст. 159; ч. 2, 3 и 4 ст. 159.1; ч. 2, 3 и 4 ст. 159.2; ч. 2, 3 и 4 ст. 159.3; ч. 2, 3 и 4 ст. 159.5; ч. 2, 3 и 4 ст. 159.6 УК РФ и ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ, и не превышает двух тысяч пятисот рублей.

Проблема, по нашему мнению, заключается не в том, что изменяется размер, постепенно увеличиваясь, а в том, что, закрепляя в законе фиксированную сумму минимального ущерба, нарушается принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). Не должны нарушаться права потерпевшего, если с его точки зрения характер и степень опасности деяния соответствуют преступлению.

По мнению специалистов, устанавливая фиксированную сумму минимального ущерба, законодательно придется все время вносить изменения в уголовный закон, так как инфляция является неотъемлемым элементом любой экономики, а также возможны и более серьезные изменения в виде гиперинфляции или деноминацию национальной валюты. Поэтому они предлагают вернуться к первоначальной редакции ст. 7.27 КоАП РФ, в которой размер хищения привязывался к размеру минимальной оплаты труда или размеру прожиточного минимума на момент совершения кражи. К плюсам такого решения можно отнести ежегодное индексирование обозначенных величин, а значит, они будут соответствовать экономическим показателям конкретного времени.

К числу проблем первой группы мы также отнесли вопросы, касающиеся установления в действиях лица, совершающего тайное хищение имущества, малозначительности деяния.

Данный вопрос возникает в связи с тем, что в диспозициях части 1 и 2 ст. 7.27 КоАП РФ перечислены деяния, на которые размер хищения не распространяется, так как виновное лицо совершает квалифицированное хищение. Так, например, если лицо совершает кражу имущества из магазина группой лиц по предварительному сговору, то кража, совершенная в размере не более 1000 рублей, будет квалифицироваться в рамках уголовного закона. При этом сумма похищенного может быть признана малозначительной, что означает, что на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ уголовная ответственность исключается. Например, если рассматривать вышеописанную ситуацию – кражу из магазина, ее могли совершить несовершеннолетние, похитившие каждый имущество, стоимость которого не превышает 30 рублей.

Часть 2 ст. 14 УК РФ закрепляет правило, что не должно признаваться деяние преступлением, если оно не является общественно опасным в силу малозначительности, что создает оценочность и субъективность закрепленного термина. В самом уголовном законе понятие малозначительности не раскрывается, также оно не анализируется в рамках разъяснений пленумов Верховного Суда РФ, так как не сформировалось единой позиции в следственно-судебной практике.

Решение обозначенной проблемы необходимо для точной и правильной оценки общественной опасности деяния, поэтому в научном сообществе наиболее часто предлагается закрепить размер ущерба, который следует рассматривать как малозначительный, так, например некоторые авторы считают, что деяние должно признаваться малозначительным, если размер причиненного ущерба составляет менее 1/10 размера прожиточного минимума в конкретном регионе [2, с. 132]. Прожиточный минимум в Свердловской области на 2024 г. был установлен постановлением Правительства региона от 7 сентября 2023 г. № 642-ПП и для трудоспособного населения сейчас составляет 16 675 рублей в месяц. Получается, что 1/10 размера прожиточного минимума составляет 1667 рублей 5 копеек. По нашему мнению, указанная величина не решит проблему разграничения малозначительного деяния с мелким хищением и уголовно-правовым деянием. Целесообразно обозначенную величину уменьшить в 100 раз (1/100 размера прожиточного минимума в конкретном регионе) и тогда малозначительным деянием возможно признать ущерб, не превышающий 166 рублей 75 копеек, что больше соответствует признаку «деяние не представляет общественной опасности».

Другая часть проблемных вопросов касается квалификации кражи при следующих условиях:

- оценке стоимости похищенного имущества и точной квалификации соответствующего ущерба;
- незавершенности хищения при квалификации мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутого административному наказанию;
- наличии корыстной цели при совершении хищения и разграничения с самоуправством;
- разграничении неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и его кражей.

Рассмотрим данные проблемы в заданной последовательности.

1. Для правильной квалификации кражи точное установление размера хищения имеет особое уголовно-правовое значение, так как в зависимости от получаемой величины проводится разграничение административного хищения и квалифицирующими признаками хищения – с причинением значительного ущерба гражданину, кража в крупном размере и особо крупном размере. Так, в рамках кассации приговор Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 г. и апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 марта 2021 г. в отношении Г. был изменен в части вменяемого квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба»⁴. Шестой кассационный суд общей юрисдикции исключил значительный размер хищения телефона стоимостью 11 000 рублей, принадлежащего потерпевшей Ш. И. П., вмененный гражданину Г. приговором районного суда Республики Башкортостан (с учетом апелляционного постановления Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 марта 2021 г.). Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении установил, что в приговоре Учалинского районного суда Республики Башкортостан нет доказательств, подтверждающих наличие квалифицирующего признака преступления – причинения значительного ущерба потерпевшей. Было установлено, что в ходе предварительного расследования нижестоящим Судом вопрос о значительности ущерба не выяснялся, отсутствуют показания потерпевшей по поводу причиненного ущерба, и только в рамках анализа протоколов судебного заседания следует, что ей причинен значительный ущерб. Как видно из приведенного примера, допущенные в рамках предварительного расследования ошибки, связанные с обоснованием значительного ущерба, привели к переквалификации и снижению уголовной ответственности за совершенное преступление.

Для формирования единой судебной практики Пленум Верховного Суда РФ в п. 25 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что указанные размеры хищения должны складываться из фактической стоимости имущества, при этом предлагая в случае необходимости привлекать экспертов для оценки стоимости имущества.

Однако, несмотря на данное разъяснение, у правоприменителей сформировалась различная практика оценки размера хищения, которая, по нашему мнению, приводит к неправильной квалификации действий виновного. Ряд юристов считают правильным при оценке размера учитывать закупочную стоимость имущества, а не стоимость имущества, установленную продавцом с учетом заложенной прибыли и налога на добавленную стоимость. Другие правоприменители считают, что розничная стоимость имущества за вычетом НДС должна включаться в расчеты устанавливаемого размера хищения.

Так, М. Е. Челобитчиков предлагает оценивать стоимость похищенного товара равной его розничной цене с учетом НДС [3, с. 31].

⁴ Определение СК по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2021 г. по делу № 7У-7848/2021[77-3285/2021] [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/321866796/> (дата обращения: 06.10.2024).

Выразим свою позицию. В соответствии с ч. 1 ст. 168 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) при реализации товаров, работ и услуг в стоимость включается соответствующая сумма налога. Если предмет хищения фактически находился в продаже, это означает, что стоимость данного имущества была сформирована с учетом НДС, поэтому при совершении преступления ущерб организации будет формироваться из обозначенной цены установленной организацией. При этом целесообразно учитывать момент начала реализации товаров (работ, услуг) при учете размера ущерба, так как хищение может быть совершено в процессе доставки товара или его оприходования на складе. В этом случае включение НДС в стоимость имущества необоснованно и не должно учитываться. Судебная практика чаще всего применяет данный подход, однако в рамках отдельных судебных разбирательств при оценке размера ущерба принимается решение о его занижении, что, по нашему мнению, отражается на правильной квалификации преступности деяния.

Так, Ленинский районный суд г. Томска в приговоре № 1–224/2018 от 15 июня 2017 г. установил, что виновный О. похитил электроперфоратор, который реализовывался магазином. Соответственно, цена данного товара была установлена в соответствии с Налоговым кодексом РФ с учетом НДС и составляла 4 875 рублей, что подтверждается справкой о размере ущерба товарной накладной. Однако даже с учетом всех имеющихся документов, собранных в рамках предварительного следствия, суд снизил размер ущерба до 4 131 рубля, т. е. до закупочной цены без учета НДС⁵.

2. Второй из обозначенных проблем является проблема квалификации кражи в случае повторного совершения административного правонарушения в виде мелкого хищения. При этом факт совершения правонарушения выявляется при отказе виновным оплатить соответствующие товары при пересечении кассовой зоны и пресекается службой безопасности торговой точки [4, с. 107]. С точки зрения уголовного закона лицо совершило покушение на преступление. В свою очередь, КоАП РФ не содержит института стадий совершения правонарушений, и покушение на правонарушение невозможно, так как налицо совершение деяния, предусмотренного КоАП РФ. Возникает вопрос: было ли преступление окончанным в соответствии с уголовным законом РФ?

Данный вопрос в научном сообществе является дискуссионным, так как совершая повторное мелкое хищение, ответственность за которое предусмотрено ст. 7.27 УК РФ – на сумму, не превышающую 2500 рублей, виновное лицо привлекается по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ, т. е. за покушение на мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию КоАП РФ.

Так, например, приговором № 1-91/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 1-91/2020 ФИО1 совершил тайное хищение, путем свободного доступа, взял с открытой витрины товарно-материальные ценности, принадлежащие АО «Тандер», на общую сумму 996 рублей 20 копеек, а именно: 1 упаковку растворимого кофе маркой 1 массой 150 г, закупочной стоимостью 212 рублей 43 копейки за 1 шт.; 2 упаковки кофе марки 2 массой 70 г каждая, закупочной стоимостью 98 рублей 41 копейку за 1 шт., общей стоимостью 196 рублей 82 копейки; 3 упаковки кофе марки 3 массой 130 г каждая, закупочной стоимостью 161 рубль 52 копейки за 1 шт., общей стоимостью 484 рубля 56 копеек; 1 упаковку кофе марки 4 массой 95 г закупочной стоимостью 102 рубля 39 копеек, которые поместил под надетую на нем куртку⁶. После чего ФИО1, продолжая реализовывать свой умысел, направленный на мелкое хищение чужого имущества, направился с похищенным имуществом к выходу из магазина, миновав кассовую зону и не рассчитавшись за похищенное имущество. Однако ФИО1 не смог довести свой преступный умысел до конца

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Томска № 1–224/2018 от 15.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://bitly.su/7FKNvHd> (дата обращения: 06.10.2024).

⁶ Приговор № 1–91/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 1-91/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dynMwufQNWZ7> (дата обращения – 06.10.2024)

и распорядиться вышеуказанным похищенным имуществом по своему усмотрению по независящим от него обстоятельствам, так как на выходе из магазина был задержан сотрудником магазина. На основании чего суд пришел к выводу, что действия ФИО1 следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ – покушение на мелкое хищение чужого имущества, т. е. умышленные действия лица, непосредственно направленные на мелкое хищение чужого имущества, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

Справедливо полагает в данном отношении К. А. Амиянц, что в этом случае у виновных «возникает чувство вседозволенности, которое способствует совершению ими новых административных правонарушений, а в некоторых случаях и преступлений». В связи с этим автор предлагает закрепить уголовную ответственность за совершение покушения на мелкое хищение [5, с. 822]. По нашему мнению, решение возникшей проблемы возможно в рамках ст. 158.1 УК РФ, если диспозицию статьи сконструировать с моментом окончания при покушении на охраняемый объект в сфере охраны интересов собственности.

3. В качестве третьей проблемы выделяется вопрос об обязательном наличии в хищении корыстной цели и отграничения кражи по этому признаку от самоуправства (ст. 330 УК РФ). Диспозиция ст. 330 УК РФ изобилует оценочными признаками – порядок совершения каких-либо действий; правомерность которых оспаривается; причинен существенный вред. Сложность оценки данных формулировок приводит к сложностям в судебной практике отграничения кражи от самоуправства. В настоящее время сложно разграничить злоупотребление своим правом собственности и незаконным завладением чужим имуществом с корыстной целью.

Понятие хищения, раскрываемого в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, в качестве обязательного признака содержит указание на то, что деяние должно совершаться с корыстной целью.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что в случае отсутствия корыстной цели при совершении хищения нельзя квалифицировать действия виновного как кражу, приводя примеры подобных действий: хищение с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо изъятие имущества в связи с предполагаемым правом на него. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, такие действия подлежат квалификации по статье самоуправства (ст. 330 УК РФ) или другим статьям УК РФ.

Проведя сравнительный анализ обозначенных норм, действительно, необходимо констатировать идентичность обязательного признака состава преступления – предмета преступления, однако объективные и субъективные признаки имеют существенные отличия. Так, кража – это тайное хищение имущества, самоуправство – самовольное совершение действий, причинивших имущественный вред, можно сказать, хищение вверенного имущества. Цель кражи – корысть, а цель самоуправства – завладение имуществом, в отношении которого лицо обладает действительным или предполагаемым правом.

Так, например, в рамках по делу № 22-1257/2016 Верховным Судом Республики Бурятия в апелляционном постановлении от 7 июня 2016 г. действия подсудимого были переквалифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 330 УК РФ. Из материалов дела следует, что подсудимому было вменено тайное хищение электрической печи, принадлежащей потерпевшей, в результате чего ей был причинен значительный ущерб. В рамках апелляции отмечается, что в рамках судебного разбирательства Суда первой инстанции не был учтен факт взятия в долг денежных средств сыном потерпевшей, который он не вернул. Потерпевшая подтвердила данный факт, поэтому совершенно обоснованным уголовное дело было переквалифицировано на ст. 330 УК РФ.

В заключение отметим, что рассмотренные выше проблемы не новы. Однако в теории уголовного права остается значительным поле для продолжения дискуссий по соответствующим вопросам, тем более что в судебной практике вновь и вновь возникают различные спорные

ситуации, которые придают очередной импульс для дальнейшего обсуждения указанных вопросов.

Список литературы

1. **Боровских Р. Н., Шатохин М. Ю.** Уголовная ответственность за мелкое хищение: декларируемые цели и фактические смыслы // *Юридическая наука и практика*. 2023. Т. 19, № 1. С. 52–60.
2. **Корсун Д. Ю.** Малозначительное деяние с квалифицирующими признаками // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 3. С. 131–138.
3. **Челобитчиков М. Е.** Стоимость похищенного имущества // *Законность*. 2016. № 3. С. 31–32.
4. **Добродей А.** Разграничение уголовной и административной ответственности // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*. 2019. С. 105–109.
5. **Амиянец К. А.** Понятие хищений в современном уголовном законодательстве России, его формы и виды // *Аллея науки*. 2018. № 4 (20). С. 821–824.

References

1. **Borovskikh R. N., Shatokhin M. Yu.** Criminal Liability for Petty Theft: Declared Purposes and Actual Meanings. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 52–60. (in Russ.)
2. **Korsun D. Y.** Insignificant act with qualifying signs // *Humanities, socio-economic and social sciences*. – 2019. – No. 3. – pp. 131-138.
3. **Chelobitchikov M. E.** The value of stolen property. *Legality*, 2016, no. 3, pp. 31–32. (in Russ.)
4. **Dobrodey A.** Differentiation of criminal and administrative responsibility. *Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations*, 2019, pp. 105–109. (in Russ.)
5. **Amiyants K. A.** The concept of embezzlement in modern criminal legislation of Russia, its forms and types. *Alley of Science*, 2018, № 4 (20), pp. 821–824. (in Russ.)

Информация об авторах

Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета

Сабанин Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ

Information about the Authors

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics (Novosibirsk, Russian Federation)

Sergey N. Sabanin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ural Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 13.10.2024;

одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 25.10.2024

The article was submitted 13.10.2024;

approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 25.10.2024

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-50-59

Даркнет в системе обеспечения безопасности киберпространства

Александр Борисович Смушкин

Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Россия

Skif32@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>

Аннотация

Автором констатируется активное использование теневого интернета преступной средой при явном отставании криминалистических исследований данного сегмента сети Интернет. Автор рассматривает основы функционирования сети Даркнет и утверждает, что повышенный уровень анонимизации данной сети обусловлен одноранговым взаимодействием, луковичной и туннельной маршрутизацией, каскадами перемешивания, многоступенчатой передачей данных и иными методами. В статье указывается, что основные криминалистические методы работы с даркнетом направлены на взлом, извлечение и исследование информации из некоторых сервисов даркнета, деанонимизацию и идентификацию пользователей. Автором предлагаются рекомендации, связанные с использованием при работе в сети Даркнет пиринговых сетей и на луковичной маршрутизации. Подчеркиваются перспективы использования нейросетей, предназначенных для анализа больших данных (Big Data).

Ключевые слова

криминалистическое исследование, даркнет, пиринговые сети, туннельная маршрутизация, TheOnionRouter, деанонимизация пользователя, незаконный контент

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по проекту «Кибербезопасность: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты» № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

Для цитирования

Смушкин А. Б. Даркнет в системе обеспечения безопасности киберпространства // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 50–59. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-50-59

Darknet in the Cyberspace Security System

Alexander B. Smushkin

Saratov State Law Academy, Saratov,
Russian Federation

Skif32@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>

Abstract

The author states the active use of the Shadow Internet by the criminal environment with a clear lag in forensic research of this level of the Internet. It should be borne in mind that although the Shadow Internet contains, according to various data, from 0.1 to 1% of the information of the entire Internet, but its active use for criminal purposes requires scientific study. The author examines the basics of the functioning of the Darknet network and states that the increased level of anonymization of this network is due to peer-to-peer interaction, onion and tunnel routing, mixing cascades, multi-stage data transfer and other methods. The article indicates that the main criminalistic methods of working with Darknet are aimed at hacking, extracting and researching information from some Darknet services, de-anonymizing and identifying users. The use of neural networks designed for Big Data analysis (Big Data) can be of great benefit in terms of de-an-

© Смушкин А. Б., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 4

onymization of suspects on the Darknet network. The author offers recommendations related to the use of peer-to-peer networks based on tunnel routing technologies 2IP (Invisible Internet Project – invisible Internet) and The Onion Router when working on the Darknet network. Summing up, the author states that the fight against illegal content and the use of the Shadow Internet for criminal purposes should be conducted comprehensively and systematically

Keywords

forensic investigation of the Darknet, peer-to-peer networks, tunnel routing, TheOnionRouter, deanonymization of the user, illegal content

Funding

The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation under the project “Cyber security: criminal-legal, criminological and criminalistic aspects”, № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>

For citation

Smushkin A. B. Darknet in the cyberspace security system. *Juridical Science and Practice*. 2024, vol. 20, no. 4, pp. 50–59. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-50-59

Современные преступники активно эксплуатируют криминогенный потенциал анонимизации теневого интернета. Научное же сообщество, к сожалению, только начало уделять внимание криминалистическому исследованию данной части сети Интернет и по сравнению с исследованием тех же социальных сетей или электронных доказательств содержит в разы меньше публикаций. Что же собой представляет данный уровень сети Интернет? По данным Р. А. Исканова и Г. С. Слепова, термин «даркнет» впервые был упомянут в книге сотрудников компании Майкрософт, посвященной вопросам обеспечения конфиденциальности в сети Интернет» [1, с. 271–273]. Даркнет, в основном, построен на одноранговом взаимодействии. Да и при использовании браузера TOR существенно отличается иерархия сети от классической архитектуры «клиент – сервер» за счет появления множества промежуточных НОДов.

При этом теневой интернет содержит только порядка от 0,1 до 1 % информации всего интернета [2, с. 651]. Преступность в сфере даркнета может быть связана: с контентом сексуального характера; незаконной торговлей запрещенными к обороту объектами (оружием, наркотиками, поддельными документами), экономической преступностью, преступностью в сфере компьютерной информации; экстремистской преступностью, насильственной преступностью, преступностью в сфере интеллектуальной собственности и «пиратства». Отдельно можно сказать о реализуемых на площадках даркнета предложениях «Преступление как услуга» – заказ поджогов, насильственных преступлений, терактов и диверсий, а также «Вредоносное ПО как услуга» – возможность приобретения вредоносного кода, а также инфраструктуры для его распространения.

В. Б. Вехов выделяет следующие технологии, используемые в даркнете:

- 1) специальные поисковые системы (интернет-браузеры);
- 2) технологии, предназначенные для обмена информацией между пользователями. Это так называемые «файлообменники» и «мессенджеры»;
- 3) анонимайзеры;
- 4) операционные системы специального назначения [3, с. 266–271].

Однако перечисленными способы сокрытия и анонимизации при использовании теневого интернета не исчерпываются. Злоумышленник может использовать VPN-сервера, которые «обрубают» информацию, индивидуализирующую пользователя, и все его запросы, фактически отправляют от своего имени, проху-серверы, позволяющие скрыть IP-адрес пользователя, динамический IP-адрес. Да и просто могут выходить в сеть только из интернет-кафе, используя для регистрации одноразовые почтовые ящики или специальное программное обеспечение.

При применении TOR используется многослойное шифрование и многоступенчатая передача данных. Как указывают Ю. А. Бондаренко и Г. М. Кизилов, «маршрутизатор вначале передачи информации выбирает случайное число промежуточных маршрутизаторов и генерирует CREATE-сообщения, шифруя их симметричным ключом и указывая для каждого маршрутиза-

тора, какой маршрутизатор будет следующим на пути» [4, с. 99]. Таким образом, сеть промежуточных НОД и многослойное шифрование не дают установить источник, адресат и точный маршрут прохождения запроса.

Сравнительно небольшое распространение имеет еще один сервис анонимизации в сети Даркнет – JonDonym, в котором используются каскады перемешивания (используется несколько последовательных серверов перемешивания, на которых трафик каждого пользователя смешивается с трафиком других участников).

Все вышеуказанное существенно осложняет привлечение к ответственности лиц, подготавливающих или совершающих преступление с использованием данного сегмента сети Интернет.

Рассмотрим криминалистические аспекты исследования даркнета и противодействия преступности в теневом интернете.

В первую очередь, необходимо отметить применение специфической криминалистической техники – аппаратно-программных комплексов, технологий и методов цифровой криминалистики.

Расследование любого преступления, сопряженного хотя бы частично с использованием даркнета, связано с обязательным использованием соответствующих программных инструментов, имеющих функционал, направленный на взлом, извлечение и исследование информации из некоторых сервисов даркнета, деанонимизацию и идентификацию пользователей, установление их географического местонахождения на момент действий в киберпространстве даркнета.

Учеными разных стран предлагаются разные пути борьбы с преступными проявлениями использования теневого интернета, однако полностью решающих все проблемные вопросы методов цифровой криминалистики до сих пор не предложено.

Ряд исследователей предлагают использование математического аппарата сетевого профайлинга в криминалистических целях. Эту задачу у них предлагают решить при анализе форумов и социальных сетей в даркнете «путем построения ориентированной коммуникационной сети, лежащей в основе форума, где узлами являются участники, публикующие сообщения, а дугами – ответы на оригинальные сообщения. Это позволяет нам рассчитать характеристики узлов, такие как количество входящих и исходящих дуг (индеградиентность и центральность), а также показатели, относящиеся ко всей сети, такие как плотность и централизация. Плотность – это процент потенциальных связей, наблюдаемых в сети, и она отражает уровень сплоченности сети. Централизация относится к распределению узловой центральности по всей сети и описывает степень, в которой сетевая связность организована вокруг одной или нескольких фокусных точек» [5]. Используя подобные методы анализа, можно построить примерные социальные графы участников криминальных форумов.

Дивья Барония дифференцирует криминалистические методы обнаружения использования даркнета на «обнаружение артефактов в операционной системе, артефактов сетевого трафика, вредоносных плагинов, снятие и анализ дампа памяти и др.» [6]. Однако представляется, что предложенные ей варианты способствуют только подтверждению факта использования TOR и даркнета, что в большинстве стран не преступно, или, как минимум, не наказуемо. Само же содержание деятельности, объем трафика, адреса интернет-серфинга и т. д. останутся скрытыми.

Ю. А. Бондаренко и Г. М. Кизилов, рассматривая методы привлеченных к расследованию преступления специалистов в области компьютерных технологий, разделили действия по взлому и деанонимизации сети TOR на пассивные и активные. «Пассивные: анализ трафика пользователя, основанный на установлении временной взаимосвязи между запросом на создание соединения и установкой выходного соединения; другие, основанные на анализе трафика и нагрузки узла внутри сети. Активные действия: комбинированные действия Tagging – дублирование случайного сообщения на входном узле, его поиск в поступивших на выходной

узел данных; Raptor – серия действий по асимметричному анализу трафика, сбору и обработке информации о перебоях, которые приводят в силу специфики топологии и протоколов работы анонимной сети данные на нужный узел, с последующим собиранием проходящего трафика» [4, с. 99].

А. В. Новосельцева и С. Г. Ключев в рамках действий в ходе атак деанонимизации, которые можно использовать в криминалистической деятельности для установления пользователя, указывают, что «активные действия характеризуются изменением сведений, содержащихся в данных, а также отображением совершаемых действий в сети и называют также следующие методы: активные действия состоят в совокупном тайминге https-трафика, направления оповещения отслеживающему серверу и копирования произвольного сообщения на входном узле, его отбор в определившихся на выходной узел данных с целью осложнения сетей и затруднения обмена данных с затягиванием на управляемый канал учета множества пакетов информационных данных» [7, с. 156–157].

Группа американско-итальянских исследователей настаивает на возможности с 80%-й вероятностью «деанонимизации запроса, прошедшего цепочку анонимизации в сети TOR с использованием предоставленных маршрутизаторами через Netflow метаданных о потоках файлов при обращении к подконтрольному ресурсу по всплескам трафика, которые можно сопоставить с некоторыми параметрами передаваемого пакета информации» [8]. Однако обращение злоумышленников к подконтрольным правоохранительным органам и спецслужбам ресурсу вряд ли можно назвать повсеместным. Скорее, это можно реализовать только в ситуациях создания копий торговых площадок (маркетплейсов) или перехвата управления площадками, либо умышленной дезинформации и организации с помощью рефлексивного управления или социальной инженерии, установки именно тех установочных файлов, в которые уже внедрены бэкдоры (от англ. back door – «черный ход», «задняя дверь») – специально предусмотренные уязвимости, обеспечивающие доступ к устройствам или взлом аккаунтов. Теоретически в целях деанонимизации пользователя правоохранительные органы могут также использовать метод, основанный на файле-приманке, открытие которого направляет на сервер IP-адрес злоумышленника (анонимность TOR действует только на сайты, открываемые в нем, но перекачанные на компьютер файлы – уже «забота» пользователя). Однако при этом остается открытой задача стимулирования перекачки конкретного файла и открытия его не в «песочнице» или иной виртуальной машине. Фактически стимулирование установки именно требуемого правоохранительным органам программного обеспечения возможно только с помощью криминалистической тактической операции.

Теоретически в криминалистических целях можно попытаться внедрить в систему подконтрольные узлы. Однако эта мера не гарантирует полностью деанонимизацию злоумышленника, поскольку даже при получении контроля над 30 % узлов определенной НОДы вероятность 2/3, что информация конкретного пользователя пройдет через другие узлы.

Новозеландские ученые указывают что «артефакты, подтверждающие установку и использование браузера TOR, генерируются в памяти и на диске в виде закладок по умолчанию даже после деинсталляции программы, активность же пользователей в сети TOR получает свое отражение в реестре Windows 10» [9]. Исследование подобных артефактов осуществляется в рамках осмотра компьютера специалистами или компьютерно-технической экспертизы экспертами.

Особое внимание следует уделить криминалистическим тактическим рекомендациям и рекомендациям по тактике оперативно-розыскного обеспечения в области противодействия преступлениям с использованием теневого интернета.

Относительно даркнета представляется необходимым отдельно рассматривать криминалистические рекомендации по пирринговым сетям на основе технологий туннельной маршрутизации 2IP (Invisible Internet Project – невидимый интернет) и луковичной маршрутизации The Onion Router.

В случае использования пирринговых одноранговых сетей в криминальных целях представляется, что внешний доступ в них возможен только по приглашению действующего пользователя, что повышает значение оперативно-розыскного потенциала в плане внедрения в число пользователей сети своего сотрудника, вербовки пользователя или иного получения доступа к учетной записи действующего пользователя.

При расследовании преступлений, при совершении которых использовался браузер TOR, особую роль должно играть отслеживание взаимосвязей открытого интернета с даркнетом (указание в одном адресов или иных данных пользователя в другом), проведение следственного осмотра маркетплейса для ознакомления с правилами пользования, а также ассортиментом незаконных предложений конкретных торговцев, проведение проверочных закупок, создание копий торговых площадок или перехват управления площадками, собственники и модераторы которых задержаны, и проведения оперативного эксперимента, контролируемых поставок. Зарубежные криминалисты указывают на то, что «полезно анализировать форумы ClearNet, поскольку они предоставляют информацию о новых пользователях даркнет-маркетов, их мотивации и проблемах» [10].

Многие сайты даркнета требуют приглашений доверенных пользователей. В этом случае повышается важность агентурной работы и вербовки этих пользователей.

Кроме того, в криминалистических целях возможна корреляция транзакций с криптовалютой, отслеживание закупок, идентификация продавца и покупателя с помощью блокчейна и использование других методов.

Среди общих средств можно отметить оперативный мониторинг как открытого интернета, так иных его сегментов, особенно даркнета. О необходимости изменения правового статуса мероприятий по мониторингу сетевых ресурсов и электронных баз данных мы уже говорили в своих предыдущих работах [11, с. 220, 221, 227]. Как отмечают А. А. Белоусов и А. М. Васильев, «основными направлениями мониторинга, способными обеспечить высокую интенсивность поступления оперативно-розыскной информации, являются: а) автоматизированный поиск сетевых информационных ресурсов, содержащих запрещенную к распространению информацию; б) оперативно-розыскное изучение выявленных сетевых ресурсов, связанных с деятельностью преступных сообществ; в) наблюдение за закрытыми для общего доступа местами сетевого общения криминальной направленности. По результатам поиска принимаются меры к блокированию сайтов и установлению личности их организаторов» [12, с. 36]. Оперативно-розыскное обеспечение может осуществляться как при самостоятельной оперативной разработке преступных групп, так и по поручению следователя, при расследовании преступлений.

Оперативно-розыскная разработка и криминалистическое исследование может вестись как в отношении оператора (предполагаемого оператора) криминального маркетплейса в даркнете, так и в отношении пользователей, делающих криминальный заказ. Методы работы здесь будут различаться. Как отметили Daniel Dolejška, Michal Koutenský, Vladimír Veselý, Jan Pluska, в первом случае «лица, представляющие интерес, <...> находятся под наблюдением, и создается журнал того, что они делают. Журнал также может включать их присутствие в Сети в определенное время (т. е. то, чем они делились в социальных сетях). Такой журнал обеспечивает идеальный источник данных для взаимной корреляции с данными о действиях оператора / сервисных событиях в dark web»; во втором «возможно получение следующей информации о пользователе: а) активность пользователя – регулярная или кажущаяся случайной; б) часовой пояс пользователя (на основе временных меток наблюдаемых событий); и в) совпадение событий и их закономерностей с другими наблюдаемыми действиями, собранными OSINT» [13].

Достаточно часто при дистанционной торговле незаконными объектами через даркнет задерживаются именно получатели заказа. В распоряжении следствия и суда оказываются протоколы допроса задержанного в стиле «20 мая 2020 года примерно в 20 часов 00 минут он находился у себя дома, когда примерно в 20 ч. 10 мин. с помощью своего мобильного телефона

марки «Honor 8 A» через браузер «TOR BROWSER» зашел на сайт «Гидра», где указаны наименования наркотических средств, и выбрал пункт «Марихуана», появились массы на выбор, он нажал кнопку «купить 3 грамма», далее на экране появилась надпись: оплатите на баланс телефона и был указан номер телефона и стоимость. Он оделся и пошел в терминал для оплаты заказа наркотического средства. Через какое-то время на сайте «Гидра» высветились координаты с фотографией места закладки, где были спрятаны наркотические средства¹; «имея умысел на незаконное приобретение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере, действуя из личной заинтересованности, выраженной в желании потребить наркотическое средство, обладая информацией о возможности приобретения наркотических средств на территории города Петрозаводска у неустановленного лица путем их получения в оборудованном тайнике – «закладке», договорилась с неустановленным лицом посредством отправления сообщений в установленном в ее телефоне «Samsung» приложении «Tor Browser» на интернет-площадке «Hydra» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет о приобретении наркотического средства в значительном количестве; оплатила приобретаемое наркотическое средство путем перечисления 1626.00 рублей посредством мобильного приложения «Сбербанк Онлайн» на полученный от неустановленного лица номер телефона и получила от последнего сообщение с информацией о месте нахождения тайника с наркотическим средством»². Как правило, при этом доказательственной базы может хватить только для привлечения к ответственности заказчика, максимум – кладмена (закладчика). Крайне редко можно отследить финансовые транзакции до конкретного продавца. Представляется, что без введения ответственности администраторов и собственников маркетплейса даже попытка блокирования таких ресурсов, расположенных в даркнете или работающих через зашифрованные каналы Telegram, приводит лишь к появлению «зеркальных» адресов и иных способов обхода блокировки. Так, в одном из изученных нами уголовных дел в приговоре прямо отмечалось относительно маркетплейса Hydra: «вход на данный сайт для пользователей интернета, находящихся на территории России, в соответствии с законодательством РФ заблокирован провайдерами, и при попытке воспользоваться его услугами абонент получает сообщение: «Уважаемый абонент, данный ресурс заблокирован по решению органов государственной власти Российской Федерации». Однако с использованием специальных программ для серфинга в Сети, скрывающих реальный IP-адрес, таких как TOR (расположен на интернет-ресурсе <https://www.torproject.org/>) и VPN, а также прокси и анонимайзеров (<http://anonymouse.org/cgi-bin/anon-www.cgi/http://legalrc.biz>, <http://www.guardster.com/free/>), пользователь может осуществить вход на сайт «Hydra». Также в настоящее время возможно обходить блокировку сайтов через сервисы VPN (Virtual Private Network) – виртуальную частную сеть, абсолютно защищенный канал, который соединяет электронное устройство с выходом в сеть Интернет с любым другим в Мировой сети»³.

Таким образом, можно отметить, что преступления, совершаемые с использованием сети Интернет носят дистанционный характер. Это приводит к повышенной анонимности злоумышленников и следовой картине, представленной, преимущественно, виртуальными и идеальными следами.

Наиболее велик криминогенный потенциал даркнета вследствие его повышенной анонимизации. Основные модели правового регулирования даркнета выделили Е. А. Брылева и Ф. М. Велиев:

¹ Приговор Оренбургского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2020 г. по делу № 1-245/2020// Архив Оренбургского районного суда оренбургской области.

² Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 7 сентября 2020 г. по делу № 1-794/2020// Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия.

³ Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 28 июля 2020 г. № 1-284/2020 // Архив Ухтинского городского суда Республики Коми.

«– полный запрет на нормативном уровне использования даркнета в силу того, что данный сегмент сети Интернет используется для совершения преступлений и препятствует идентификации личности злоумышленников;

– недопустимость какого-либо государственного вмешательства в функционирование даркнета, так как его существование определяется реализацией идеи о свободном интернете;

– невозможность полного запрета использования даркнета и нейтральность в части оценки, используемой при функционировании даркнет-технологии, обеспечивающей анонимность пользователей. Тем самым данная модель предполагает выработку и реализацию технических и правовых средств реагирования на ту угрозу, которую представляет собой даркнет» [14, с. 75–80].

Борьба с даркнетом может быть или кардинальной, путем полной блокировки, или адресной. В настоящее время доступ к The Onion Router запрещен, и Роскомнадзор блокирует его, однако существуют программные методы обхода блокировки, да и кроме подобного способа входа в даркнет существуют и иные. Поэтому разумным представляется последний вариант модели, выделенной Е. А. Брылевой и Ф. М. Велиевым.

В пресечении преступлений, совершаемых с использованием любого сегмента сети Интернет, особое значение будут иметь оперативно-розыскные мероприятия: опрос, снятие информации с технических каналов связи, проверочная закупка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации. Из следственных действий на начальном этапе расследования приобретают значение осмотр интернет-страницы (в нашей трактовке это один из видов осмотра электронного объекта), допросы потерпевшего, свидетелей, а в случае обнаружения – допрос подозреваемого. Возможно также назначение различных видов компьютерно-технических экспертиз.

В некоторых случаях осмотр стационарного компьютера без подключения к Сети может также предоставить следствию некоторую информацию об интернет-соединениях и действиях в Сети. Так, по уголовному делу № 1-365/2020, рассмотренному Кировским районным судом г. Томска, свидетель ФИО10 показал, что он был приглашен для участия в проведении осмотра системного блока компьютера. Производился просмотр информации, имеющейся на носителях информации, установленных в данном системном блоке. На втором условном логическом диске под названием «Черная хреновина» имелась папка «Доки и прочее», в которой обнаружен файл Hydra.txt, в котором имелись идентификационные данные: логин и пароль для интернет-ресурса. С рабочего стола запускался интернет-браузер под ярлыком Start Tor Browser. При открытии соединений были введены логин и пароль, указанные выше. Далее производился осмотр открытых закладок, в которых отобразились места на местности с указанием точной местности, координаты, различные тексты, в том числе просматривалась история соединений с информацией о проведении закупки наркотического средства. Данная информация переведена на изображения, сформирована в фототаблицу, которая была приложена к протоколу осмотра⁴. Указанные обстоятельства подчеркивают важность разработки криминалистических тактических рекомендаций по производству осмотра электронного устройства.

Подводя итог, следует отметить, что борьба с незаконным контентом и использованием теневого интернета в преступных целях должна вестись комплексно и системно. Представляется, что большую пользу в плане деанонимизации подозреваемых в сети Даркнет может принести использование в криминалистических целях нейросетей, предназначенных для анализа больших данных (Big Data). В целях анализа больших данных мы рассматриваем здесь выборку и выявление подозреваемого из массы пользователей, одновременно воспользовавшихся функционалом TOR, а также совершивших определенное действие на отслеживаемом ресурсе.

⁴ Приговор Кировского районного суда г. Томска от 21 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-365/2020 // Архив Кировского районного суда г. Томска.

В последнее время в РФ к обеспечению пресечения незаконного контента интернета присоединяются также добровольные объединения граждан и организации. Например, Лига безопасного интернета, созданная при поддержке МВД России, Минкомсвязи и Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. В качестве основной цели функционирования Лиги декларируется создание безопасного пространства интернета на территории Российской Федерации. Криминалистические же исследования данного уровня сети Интернет должны «дать в руки» следователю действенные технические, тактические, организационные и методические инструменты исследования даркнета и противодействия использованию его при совершении преступлений.

Кроме того, представляется необходимым установить, как минимум, административную ответственность владельцев законных торговых платформ за непроведенную модерацию контента (выявленную продажу товаров, ограниченных в обороте или изъятых из оборота, через определенную торговую площадку).

Список литературы

1. **Иксанов Р. А., Слепов Г. С.** Защита прав граждан от посягательств в сети Даркнет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. С. 271–273.
2. **Узденов Р. М.** Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 649–655.
3. **Вехов В. Б. и др.** Цифровая криминалистика: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2024. 490 с.
4. **Бондаренко Ю. А., Кизилов Г. М.** Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети Darknet // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 97–101.
5. **Arjan Blokland, Anton Daser, Meike de Boer, Colm Gannon, Frederic Gnielka, Salla Hui-kuri, Rebecca Reichel, Thomas Schäfer, Alexander F. Schmidt, Katarzyna Staciwa, Robert Lehmann.** Why do users continue to contribute to darknet Child Sexual Abuse Material forums? Examining social exchange, social capital, and social learning explanations using digital forensic artifacts // Child Abuse & Neglect. 2024. Vol. 153. P. 106815.
6. **Divya Baronia.** Dark Web And Tor Forensic // Informatiess.com URL: <https://informatiess.com/dark-web-and-tor-forensic/> (дата обращения: 25.09.2024).
7. **Новосельцева А. В., Ключев С. Г.** Современные методы атак деанонимизации на сеть TOR // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2020. № 1 (49). С. 155–161.
8. **Sambuddho Chakravarty, Marco V. Barbera, Georgios Portokalidis, Michalis Polychronakis, Angelos D. Keromytis Chakravarty S., Barbera M. V., Portokalidis G., Polychronakis M., Keromytis A. D.** On the Effectiveness of Traffic Analysis against Anonymity Networks Using Flow Records. In: Faloutsos, M., Kuzmanovic, A. (eds) Passive and Active Measurement. PAM 2014. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Vol. 8362. Springer, Cham. P. 247–257.
9. **Muir, Matt & Leimich, Petra & Buchanan, William.** A Forensic Audit of the Tor Browser Bundle // Digital Investigation. 2019. Vol. 29. 10.1016/j.diin.2019.03.009. pp. 118–128.
10. **Katsiaryna Bahamazava and Rohan Nanda.** The shift of DarkNet illegal drug trade preferences in cryptocurrency: The question of traceability and deterrence // Forensic Science International: Digital Investigation. 2022. Vol. 40.
11. **Смушкин А. Б.** Концепция дистанционной криминалистики. М.: Юрлитинформ, 2024. 256 с.

12. **Белоусов А. А., Васильев А. М.** Особенности при квалификации преступлений в сфере обезличивания криптовалюты виновными лицами // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 31–39.
13. **Dolejška, Michal Koutenský, Vladimír Veselý, Jan Pluskal.** Busting up Monopoly: Methods for modern darknet marketplace forensics // *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2023. Vol. 46, Suppl. P. 301604.
14. **Брылева Е. А., Велиев Ф. М.** Права человека и интернет-пространство: новые реалии // *Юридическая наука: история и современность*. 2018. № 11. С. 75–80.

References

1. **Iksanov R. A., Slepov G. S.** Protection of citizens' rights from encroachments on the Darknet network. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2018, no. 4. pp. 271–273 (in Russ).
2. **Uzdenov R. M.** New frontiers of cybercrime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 10. no. 4. pp. 649–655. (in Russ).
3. **Vekhov V. B. (eds.)** Digital criminalistics: textbook for universitie. 2-ed. Moscow, Yurait publ., 2024, 490 p. (in Russ).
4. **Bondarenko Yu. A., Kizilov G. M.** (2019) Problems of identifying and using traces of crimes left on the Darknet network. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 5. pp. 97–101. (in Russ)
5. **Arjan Blokland, Anton Daser, Meike de Boer, Colm Gannon, Frederic Gnielka, Salla Hui-kuri, Rebecca Reichel, Thomas Schäfer, Alexander F. Schmidt, Katarzyna Staciwa, Robert Lehmann.** Why do users continue to contribute to darknet Child Sexual Abuse Material forums? Examining social exchange, social capital, and social learning explanations using digital forensic artifacts. *Child Abuse & Neglect*, 2024, vol. 153, 106815.
6. **Divya Baronia.** Dark Web And Tor Forensic. *Informaticss.com* available at: <https://informaticss.com/dark-web-and-tor-forensic/> (accessed: 25.04.2024).
7. **Novosel'tseva A. V., Klyuev S. G.** Modern methods of deanonymization attacks on the TOR network. *Prikaspiiskii zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii*, 2020, no. 1 (49), pp. 155–161.
8. **Sambuddho Chakravarty, Marco V. Barbera, Georgios Portokalidis, Michalis Polychronakis, Angelos D. Keromytis Chakravarty, S., Barbera, M. V., Portokalidis, G., Polychronakis, M., Keromytis, A. D.** On the Effectiveness of Traffic Analysis against Anonymity Networks Using Flow Records. In: Faloutsos M., Kuzmanovic A. (eds) *Passive and Active Measurement. PAM 2014. Lecture Notes in Computer Science*, 2014, vol. 8362. Springer, Cham. pp. 247–257.
9. **Muir, Matt & Leimich, Petra & Buchanan, William.** *A Forensic Audit of the Tor Browser Bundle*. *Digital Investigation*, 2019, vol. 29. 10.1016/j.diin.2019.03.009. pp. 118–128;
10. **Katsiaryna Bahamazava and Rohan Nanda.** The shift of DarkNet illegal drug trade preferences in cryptocurrency: The question of traceability and deterrence. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2022, vol. 40, 301377.
11. **Smushkin A. B.** The concept of remote criminalistics Moscow, Yurlitinform, 256 p. (in Russ.).
12. **Belousov A. A., Vasil'ev A. M.** Features in the qualification of crimes in the field of depersonalization of cryptocurrencies by guilty persons. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2023, no. 96-5, pp. 31–39 (in Russ.).
13. **Dolejška, Michal Koutenský, Vladimír Veselý, Jan Pluskal.** Busting up Monopoly: Methods for modern darknet marketplace forensics. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2023, vol. 46, suppl., 301604.
14. **Bryleva E. A., Veliev F. M.** (2018) Human rights and the Internet space: new realities. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2018, no. 11, pp. 75–80 (in Russ.).

Информация об авторе

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник к/н проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
Researcher ID: AAM-2853-2020
Scopus ID 57202012484

Information about the Author

Alexander B. Smushkin, Candidate of Law, Leading Researcher C/S of the Project Office of Scientific Programs and Research, Associate Professor of the Department of Criminology of the Saratov State Law Academy
Researcher ID: AAM-2853-2020
Scopus ID: 57202012484

*Статья поступила в редакцию 04.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 04.10.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-60-64

О степени разработанности понятия «хищение бюджетных средств»

Алексей Вадимович Чумаков

Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета
Новосибирск, Россия

chumakov-alexey-nsk@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>

Аннотация

В работе представлен краткий обзор различных научных подходов к определению сущностного значения понятия «хищение бюджетных средств». Автором рассмотрены точки зрения различных исследователей в области уголовного права, криминалистики, криминологии, а также дана оценка степени разработанности исследуемого понятия. В работе сформулированы выводы о непосредственной взаимосвязи между терминологической неопределенностью и эффективностью деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию хищений в бюджетной сфере. Автор высказывает суждение о необходимости совершенствования и унификации терминологического аппарата в научных исследованиях, а также практической деятельности.

Ключевые слова

хищения, бюджетные средства, расследование преступлений, юридическая терминология, эффективность расследования

Для цитирования

Чумаков А. В. О степени разработанности понятия «хищение бюджетных средств» // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 60–64. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-60-64

On the Degree of Elaboration of the Concept of “Embezzlement of Budgetary Funds”

Alexey V. Chumakov

Novosibirsk Law Institute (branch) National Research Institute
Tomsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

chumakov-alexey-nsk@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-8778-1530>

Abstract

The paper provides a brief overview of various scientific approaches to determining the essential meaning of the concept of “embezzlement of budgetary funds”. The author considers the points of view of various researchers in the field of criminal law, criminology, criminology, and also gives an assessment of the degree of development of the concept under study. The paper draws conclusions about the direct relationship between terminological uncertainty and the effectiveness of activities to identify, disclose and investigate embezzlement in the public sector. The author expresses a judgment on the need to improve and unify the terminological apparatus in scientific research, as well as practical activities.

Keywords

embezzlement, budgetary funds, investigation of crimes, legal terminology, effectiveness of investigation

© Чумаков А. В., 2024

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4
Juridical Science and Practice, 2024, vol. 20, no. 4

For citation

Chumakov A. V. On the degree of elaboration of the concept of “embezzlement of budgetary funds”. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 60–64. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-60-64

Формирование понятийного аппарата – это длительный и трудоемкий процесс, требующий определенного методологического инструментария. В данном отношении мы говорим о признаках рассматриваемого явления, понятии, а также какой-либо форме дифференциации сходных явлений по классам (классификация) или типам (типологизация). Подбор подходящего инструментария позволяет показать целевой аудитории (к примеру, следователям), какие именно преступления относятся к рассматриваемой категории; на каких обстоятельствах, подлежащих установлению по конкретному уголовному делу, следует акцентировать внимание; какие основные направления расследования; какие существуют критерии эффективного расследования и т. д.

В криминалистике определению понятия «хищения в бюджетной сфере» или «хищение бюджетных средств» уделяется явно недостаточно внимания. Один из немногих – Д. В. Паршин в своих трудах определяет хищение бюджетных средств как «корыстные преступления с заранее продуманной схемой совершения и сокрытия [1]. Вероятно, ввиду более узкого предмета своего диссертационного исследования автор явно слишком широко и неопределенно сформулировал анализируемое понятие. Вместе с тем Д. В. Паршин прав в том, что опасность этих преступлений состоит не только в значительном размере причиняемого вреда, но и в создании организованных преступных групп. При организованных формах преступной деятельности увеличиваются размеры хищений, повышается их латентность, расширяются территориальные возможности преступного сообщества» [1]. На этом признаке, а точнее атрибуте, наиболее опасных форм хищений остановимся позднее.

Других определений этого понятия в криминалистическом аспекте найти не удалось. Зато упоминаний о хищениях бюджетных средств без их определения – множество. Смежные понятия, а иногда и их определения, а также, что важно – значимые признаки хищений бюджетных средств часто встречаются и рассматриваются в криминологических, уголовно-правовых исследованиях и научных трудах по экономическим наукам. Так, определяя преступность в бюджетной сфере, А. В. Макаров пишет: «Под преступностью в бюджетной сфере следует понимать негативное социально-правовое явление, выражающееся в общественно опасных посягательствах на совокупность общественных отношений, возникающих в связи с образованием и использованием фондов денежных средств, сосредотачиваемых в бюджетах всех уровней» [2, с. 15]. По сути, автор определяет этот вид преступности только через категорию «образование и использование фондов и бюджетов всех уровней».

Ю. А. Валеева, рассуждая об особенностях уголовной ответственности за хищение бюджетных средств, выразилась максимально лаконично и эмоционально: «Хищение бюджетных средств – это воровство у государства» [3, с. 682]. Н. Ф. Кузовлева в работе, посвященной формированию механизма контроля за использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок, пишет: «Бюджетные средства – это все денежные средства, которыми располагает государство в очередном финансовом году <...> Бюджетные средства подвергаются атаке со стороны коррупционеров, мошенников и похитителей. При этом наиболее распространенными рисками являются коррупция и хищение денежных средств» [4, с. 118–127].

Рассматривая особенности криминологической характеристики и предупреждения должностных преступлений в бюджетной сфере, А. К. Щегулина указывает: «Должностное преступление в бюджетной сфере – это умышленное деяние, сочетающее объективные признаки злоупотребления властью или должностным положением, превышение власти или должност-

ных полномочий с такими элементами противоправного поведения, как расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их назначения, либо расходование негосударственных внебюджетных доходов на цели, не соответствующие условиям, определенным законодательством РФ, и бюджетам указанных фондов, наказуемость за которые устанавливает Бюджетный кодекс РФ. Должностное преступление в бюджетной сфере специфично тем, что его предметом выступают бюджетные средства, то есть доходы соответствующих бюджетов; субъектом является должностное лицо, обладающее определенным объемом прав по распоряжению бюджетными средствами, а надлежащая квалификация содеянного возможна на основе норм как уголовного, так и бюджетного законодательства РФ. Критерием разграничения должностного проступка в бюджетной сфере и должностного преступления являются последствия содеянного» [5, с. 11].

В. В. Светлова в статье, посвященной методическому обеспечению раскрытия преступлений, связанных с обналичиванием бюджетных средств, пришла к выводу о том, что «наиболее опасные виды мошенничеств – это мошенничества, направленные на хищение средств государственного бюджета с использованием финансовых операций по возмещению ранее уплаченных налогов, прежде всего – налога на добавленную стоимость» [6, с. 229–236].

Как видим, исследователи непосредственно не определяют понятие хищений бюджетных средств, но упоминают о нем в контексте определений других – смежных преступлений или в контексте преступных посягательств, являющихся частью искомого целого. Авторы как будто презюмируют очевидность анализируемого понятия и, скорее, стараются подчеркнуть общественную опасность самого феномена, чем методично раскрыть его определение через атрибуты-признаки. В целом можно сказать, что ученые не ставили перед собой задачу сформулировать искомое определение, а потому критика их позиций была бы некорректна.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что нами была изучена достаточно массивная подборка криминалистических, криминологических, уголовно-правовых исследований по тематике противодействия различным видам хищений за последние несколько десятилетий. В настоящее время не сформировано общепринятого понятия «хищение бюджетных средств» или понятия «преступления, связанные с хищениями бюджетных средств» в криминалистическом аспекте. Терминологическая неопределенность не относится к числу положительных факторов для криминалистов-разработчиков, а, скорее, наоборот – предопределяет путаницу при определении предмета исследования и конкретизации исследуемых общественных отношений, связанных с хищениями. Исследователи должны владеть методологическим инструментарием с целью эффективного установления признаков исследуемого явления, что позволит внести существенный вклад в практику противодействия преступности.

Список литературы

1. **Паршин Д. В.** К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства // Вестник Вост.-Сибир. ин-та МВД России. 2017. № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lichnosti-prestupnika-kak-elemente-kriminalisticheskoy-harakteristiki-hischeniya-byudzhethnyh-sredstv-prednaznachennyh>
2. **Макаров А. В.** Преступность в бюджетной сфере: Понятие, тенденции, предупреждение: Дис. .... д-ра юрид. наук по научной специальности 12.00.08. URL: <https://www.dissercat.com/content/prestupnost-v-byudzhethnoi-sfere-ponyatie-tendentsii-preduprezhdenie> (дата обращения: 04.06.2024).

3. **Валеева Ю. А.** Уголовная ответственность за хищение бюджетных средств // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1(29). С. 681–684.
4. **Кузовлева Н. Ф.** Формирование механизма контроля за использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности и противодействия теневой экономики: Сб. науч. тр. М.: Научный консультант, 2018. С. 118–127.
5. **Щегулина А. К.** Криминологическая характеристика и предупреждение должностных преступлений в бюджетной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук по научной специальности 12.00.08. URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskaya-kharakteristika-i-preduprezhdenie-dolzhnostnykh-prestuplenii-v-byudzhethn> (дата обращения: 04.06.2024).
6. **Светлова В. В.** Методическое обеспечение раскрытия преступлений, связанных с обналичиванием бюджетных // Синергия учета, анализа и аудита в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: Сб. материалов II Междунар. межвузовской науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. Петровой В. И. и проф. Баканова М. И., Москва, 10 ноября 2015 г. М.: Аудитор, 2016. С. 229–236.

References

1. **Parshin D. V.** On the question of the identity of the criminal as an element of the criminalistic characteristics of embezzlement of budgetary funds intended for the implementation of priority areas of agricultural development. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lichnosti-prestupnika-kak-elemente-kriminalisticheskoy-harakteristiki-hischeniya-byudzhethnyh-sredstv-prednaznachennyh> (in Russ.)
2. **Makarov A. V.** Crime in the budgetary sphere: Concept, trends, prevention: Doctor of Law Sci. Dis.. URL: <https://www.dissercat.com/content/prestupnost-v-byudzhethnoi-sfere-ponyatie-tendentsii-preduprezhdenie> (accessed: 06/04/2024) (in Russ.)
3. **Valeeva Y. A.** Criminal liability for embezzlement of budgetary funds. *Forum of Young Scientists*, 2019, № 1-1(29), pp. 681–684. (in Russ.)
4. **Kuzovleva N. F.** Formation of a mechanism for monitoring the use of budgetary funds in the field of public procurement. In: *Actual problems of ensuring economic security and countering the shadow economy: a collection of scientific papers*. Moscow, Scientific Consultant publ., 2018, pp. 118–127. (in Russ.)
5. **Shchegulina A. K.** Criminological characteristics and prevention of official crimes in the budgetary sphere: PhD in law. URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskaya-kharakteristika-i-preduprezhdenie-dolzhnostnykh-prestuplenii-v-byudzhethn> (accessed: 06/04/2024) (in Russ.)
6. **Svetlova V. V.** Methodological support for the disclosure of crimes related to the cashing out of budget funds. In: *Synergy of accounting, analysis and audit in ensuring the economic security of business and the state*: Collection of materials of the II International interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of Prof. Petrova V. I. and Prof. Bakanova M. I., Moscow, November 10, 2015. Moscow: Auditor Publishing House, 2016. pp. 229–236. (in Russ.)

Информация об авторе

Чумаков Алексей Вадимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Томского государственного университета
SPIN: 8215-7902

Information about the Author

Alexey V. Chumakov, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Novosibirsk Law Institute (branch) National Research Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
SPIN: 8215-7902

*Статья поступила в редакцию 18.10.2024;
одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*

Информация для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: теоретико-исторические правовые науки, публично-правовые (государственно-правовые) науки. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год

---

¹ См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)

3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 639990, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru